

ДЖОРДЖ ОРВЕЛЛ

СКОПСКИЙ
ХУПОР
СКАЗКА

REC-8

Джордж Орвелл

Скотский хутор

Сказка

ПОСЕВ

1971

Обложка и иллюстрации работы художника
Н. И. Николенко

Авторизованный перевод с английского
Марии Кригер и Глеба Струве

Третье, проверенное и исправленное, издание

ГЛАВА 1

Г-н Джонс, владелец фермы «Барский хутор», запер курятники на ночь, но, будучи слишком пьян, позабыл прикрыть боковые выходные отверстия. Кружок света от его фонарика поплясывал из стороны в сторону, пока он, пошатываясь, переходил двор; скинув сапоги у черного входа, он нацедил себе еще стакан пива из боченка в каморке при кухне и прошел в спальню, где уже похрапывала г-жа Джонс.

Как только свет в спальне погас, по всей ферме поднялись движение и шорох. В течение дня распространилась молва, что старому Майору, премированному борову мидлвайтской породы, накануне ночью приснился странный сон и что он хочет рассказать его другим животным. Было условлено, что все сойдутся в главном сарае, как только фермер Джонс удалится на покой. Старый Майор (так его всегда звали, хотя имя, под которым его выставляли, было «Краса Виллингдона») пользовался таким уважением на ферме, что все были вполне готовы пожертвовать часом сна, чтобы послушать, что он скажет.

В одном конце сарая, на своего рода возвышении, Майор уже восседал на соломенном ложе под фонарем, свисавшим с балки. Ему было двенадцать лет, и за последнее время он порядком растолстел, но он все еще был величественного вида свиньей с мудрым и благодушным выражением, хотя клыки его никогда не подпиливались. Вскоре собрались и другие животные и стали устраиваться поудобнее,

каждое на свой лад. Сначала явились три собаки: Белка, Милка и Щипун, потом свиньи, которые улеглись на соломе перед самым помостом. Куры уместились на подоконниках, голуби взлетели на стропила, овцы и коровы улеглись позади свиней и принялись жевать жвачку. Две рабочие лошади, Боксёр и Кашка, вошли вместе, шагая очень медленно и переступая крайне осторожно огромными, обросшими шерстью копытами, из боязни наступить на какое-нибудь крошечное, скрытое в соломе существо. Кашка была полная, средних лет кобыла с материнскими наклонностями, которая после четвертого жеребенка уже не могла вернуть себе прежней стройности. Боксёр был громадный конь, почти восемнадцати ладоней в вышину, и обладал силой двух обыкновенных лошадей. Белая полоска на морде придавала ему глуповатый вид. И на самом деле он был не Бог знает какого ума, но пользовался всеобщим уважением за ровный характер и огромную работоспособность. Вслед за лошадьми вошли Манька, белая коза, и Вениамин, осел. Вениамин был самым старым животным на ферме и отличался самым скверным характером. Он редко говорил, а когда и открывал рот, то обычно для того, чтобы сделать какое-нибудь циничное замечание — например, скажет, что Бог снабдил его хвостом, чтоб отгонять мух, но что он предпочел бы, чтобы не было ни хвоста, ни мух. Один из всех животных на ферме он никогда не смеялся. Если его спрашивали, почему, он отвечал, что не видит нигде ничего смешного. Тем не менее, не признавая того открыто, он был предан Боксёру. Оба обыкновенно проводили воскресенье вместе на маленьком лугу за фруктовым садом, пасясь рядышком и никогда не разговаривая.

Две лошади только что успели улечься, когда, по-
дскивая и перебегая туда и сюда, в поисках места,
где бы на них не наступали, в сарай гуськом про-
следовал выводок утят, потерявших мать. Кашка
своей передней ногой образовала вокруг них подо-
бие стены, и утята угнездились за ней и быстро
заснули. В последнюю минуту, жеманно перебирая
ногами и жуя кусок сахара, вошла Молли, глупая,
хорошенькая белая кобылка, которая возила шара-
бан фермера Джонса. Она заняла место впереди и
начала поигрывать белой гривой в надежде при-
влечь внимание к вплетенным в нее красным лен-
точкам. Последней пришла кошка, которая, как все-
гда, стала выискивать самое теплое местечко и, на-
конец, втиснулась между Боксёром и Кашкой: там
она в течение всей речи Майора выражала свое удо-
вольствие мурлыканьем, не слушая ни слова из то-
го, что он говорил.

Все животные были теперь налицо, кроме Моисея,
ручного ворона, который спал на жердочке у чер-
ного крыльца. Когда Майор убедился, что все устро-
ились удобно и внимательно ждут, он прочистил
горло и заговорил:

«Товарищи! Вы уже слышали о странном сне, ко-
торый мне приснился прошлой ночью. Но об этом
сне потом. Сперва я должен сказать вам что-то
другое. Не думаю, товарищи, что мне суждено оста-
ваться среди вас еще много месяцев и, прежде чем
умереть, я считаю долгом завещать вам приобре-
тенную мною мудрость. Я прожил долгую жизнь,
у меня было много времени на размышления, пока я
лежал один у себя в хлеву, и мне кажется, я могу
сказать, что я понимаю сущность жизни на земле
не хуже любого сейчас живущего животного. Об
этом то я и хочу говорить с вами.

«Так вот, товарищи, какова же сущность этой нашей жизни? Давайте посмотрим правде в глаза: жизнь наша несчастная, полная трудов, кратковременная. Мы рождаемся, нас кормят едва достаточно, чтобы поддерживать дух в нашем теле, и те из нас, кто к тому способен, вынуждены работать до изнеможения. И в тот самый момент, когда мы не можем принести пользы, нас убивают с безобразной жестокостью. Ни одно животное в Англии, после того как ему минул год, не знает, что такое счастье или досуг. Ни одно животное в Англии не пользуется свободой. Жизнь животного — сплошное горе и рабство. Это сущая правда.

«Но есть ли это просто часть природного порядка? Потому ли, что наша страна так бедна, она не может себе позволить предоставить приличное существование всем, кто живет в ней? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Почва Англии плодородна, климат ее благоприятен, она может производить пищу в изобилии для гораздо большего числа животных, чем ныне обитает в ней. Одна эта наша ферма могла бы содержать дюжину лошадей, двадцать коров, сотни овец — и все они жили бы с удобством и с достоинством, каких мы почти не можем себе представить. Почему же мы продолжаем влачить столь жалкое существование? Потому, что люди воруют у нас почти все плоды нашего труда. Вот, товарищи, ответ на все наши проблемы. Его можно резюмировать в одном слове: Человек. Человек — вот наш единственный настоящий враг. Уберите Человека, и коренная причина голода и переутомления будет устранена навеки.

«Человек — единственное существо, которое потребляет, не производя. Он не дает молока, он не несет яиц, он слишком слаб, чтобы таскать плуг,

он не может бегать достаточно быстро, чтобы ловить зайцев. Однако, он господствует над всеми животными. Он заставляет их работать, выдавая им тот скудный паек, который не дает им умереть с голоду, а остальное удерживает для себя. Нашим трудом обрабатывают землю, нашим навозом удобряют ее, а между тем каждый из нас владеет только собственной шкурой. Вы, коровы, которых я вижу перед собой, сколько тысяч галлонов молока дали вы в этом году? И что случилось с тем молоком, которое должно было пойти на выращивание здоровых телят? Каждая капля его ушла в глотки наших врагов. А вы, куры, сколько яиц снесли вы в этом году, и из скольких из этих яиц вылупились цыплята? Остальные пошли на сбыт, чтобы принести деньги Джонсу и его людям. А ты, Кашка, где те четыре жеребенка, которых ты родила и которые должны были поддерживать и улаживать тебя в старости? Все были проданы, когда им было по году — ты никогда не увидишь их снова. В награду за твои четыре беременности и за всю твою работу в поле, что получила ты, кроме скудной пищи и стойла? И даже то жалкое существование, которое мы влачим, не достигает положенного предела. За себя я не жалеюсь, потому что я один из счастливиц. Мне двенадцать лет, у меня было больше четырехсот детей. Такова естественная жизнь свиньи. Но ни одно животное не избежит в конце концов жестокого ножа. Вы, юные, откормленные на убой поросята, сидящие передо мной, каждый из вас с визгом расстанется с жизнью под топором не далее как через год. К этому жуткому концу мы все неизбежно придем — коровы, свиньи, куры, овцы, все. Даже лошадей и собак ждет не лучшая доля. Тебя, Боксёр, в тот самый день, когда твои могучие мышцы

потеряют свою мощь, Джонс продаст живодеру, который перережет тебе горло и сварит твоё мясо для гончих. Что же до собак, то, когда они стареют и теряют зубы, Джонс привязывает им к шее кирпич и топчет их в ближайшем пруду.

«Неужели же не ясно как день, товарищи, что всё зло нашей жизни проистекает из тирании людей? Отделаемся от Человека, и плоды нашего труда станут нашей собственностью. Чуть ли не в один день мы можем стать богатыми и свободными. Что же мы должны делать? А вот что: работать день и ночь, телом и душой, для свержения человеческого рода. Вот вам мой завет, товарищи: Восстание! Я не знаю, когда именно придет это Восстание, может быть, через неделю, может быть, через сто лет, но я знаю так же верно, как то, что под ногами у меня солома, что рано или поздно справедливость восторжествует. Поставьте это себе целью, товарищи, в течение короткого остатка вашей жизни! А главное, передайте этот мой завет тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения вели борьбу до победного конца.

«И помните, товарищи, ваша решимость должна быть непоколебимой. Никакие доводы не должны сбивать вас с пути. Не слушайте, когда вам будут говорить, что у Человека и у животных общие интересы, что благополучие первого составляет благополучие вторых. Все это ложь. Человек не служит ничьим интересам, кроме собственных. И да царит между животными полное единение, полное товарищество в борьбе. Все люди — враги. Все животные — товарищи».

В этот момент поднялся ужасающий гвалт. Пока Майор говорил, четыре больших крысы выползли из своих нор и, присев на задние лапки, стали слушать его. Собаки внезапно завидели их, и крысы

спасли себе жизнь, лишь поспешно скрывшись назад в норы. Майор поднял переднюю ножку в знак молчания.

«Товарищи! — сказал он, — вот вопрос, требующий разрешения. Дикие зверьки вроде крыс и зайцев — друзья они нам или недруги? Поставим этот вопрос на голосование. Предлагаю собранию следующий вопрос: товарищи ли крысы?».

Голосование состоялось сразу, и подавляющим большинством было решено, что крысы — товарищи. Только четверо голосовали против — три собаки и кошка, причем позже выяснилось, что та голосовала и за, и против.

Майор продолжал:

«Мне осталось сказать немного. Я лишь повторяю: памятуйте всегда ваш долг вражды к Человеку и к его образу жизни. Всякий, кто ходит на двух ногах, враг нам. Всякий, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья, наш друг. И помните также, что, борясь с человеком, мы не должны уподобляться ему. Даже когда вы победите его, не перенимайте его пороков. Ни одно животное не должно жить в доме или спать в постели, носить одежду, пить спиртное, курить табак, прикасаться к деньгам или торговать. Все привычки человека — зло. Главное же, ни одно животное не должно тиранствовать над себе подобными. Слабые или сильные, умные или простаки, мы все братья. Ни одно животное не должно убивать других животных. Все животные равны.

«А теперь, товарищи, я расскажу вам о моем вчерашнем сне. Я не могу описать вам этот сон. Это был сон о земле, какой она станет, когда Человека не будет. Но он напомнил мне о чем-то, что я давным-давно забыл. Много лет тому назад, когда я еще был маленьким поросенком, моя мать и другие

свиньи певали старую песенку. Они знали только мотив и первые два слова. Я знал этот мотив в раннем детстве, но он давно вылетел у меня из головы. Вчера ночью, однако, он вернулся ко мне во сне. Больше того, слова этой песни тоже вернулись — слова, которые, я уверен, пелись животными в незапамятные времена и утратились в памяти целых поколений. Я сейчас спою вам эту песенку, товарищи. Я стар, и голос у меня хриплый, но когда я научу вас мотиву, вы сами сможете петь ее лучше. Она называется 'Скот английский'».

Старый Майор откашлялся и запел. Как он сам сказал, голос у него был хриплый, но пел он совсем не плохо, а мотив был бодрящий — нечто среднее между «Клементиной» и «Кукарачей». Слова же были следующие:

Скот английский, скот ирландский,
Скот всех климатов и стран,
Слушай весть мою благую
Будущих золотых времен.

Рано-ль, поздно-ль, будет свергнут
Наш тиран и господин,
И по тучным нашим полям
Загуляет скот один.

Из ноздрей исчезнут кольца,
Сбруя сгинет с наших плеч,
Шпоры, узды будут ржаветь,
И не будет хлыст нас сечь.

И богатства выше меры —
Сено, рожь, горох, ячмень,
Репа, брюква и пшеница —
Станут нашими в тот день.

Засияют нивы Англии,
Станет их укропней сень,
Мягче ветры, чище воды
В этот день, свободы день.

Для него наш долг трудиться,
Хоть и смерть нам суждена.
Лошади, коровы, гуси,
Сейте воли семена!

Скот английский, скот ирландский,
Скот всех климатов и стран!
Разнеси же весть благую
Будущих златых времен.

Эта песня вызвала среди животных самое неистовое возбуждение. Чуть ли не прежде чем Майор кончил петь, они сами затянули ее. Даже самые глупые из них схватили мотив и запомнили несколько слов; те же, которые были поумнее, вроде свиней и собак, в несколько минут выучили всю песню наизусть. И затем, после нескольких предварительных проб, вся ферма дружным, могучим хором запела песню «Скот английский». Коровы мычали ее, собаки тявкали ее, овцы блеяли ее, лошади ржали ее, утки кричали ее. Песня привела их в такой восторг, что они пропели ее пять раз подряд и пели бы всю ночь, если бы их не прервали.

К несчастью, гвалт разбудил фермера Джонса, и он выскочил из постели в уверенности, что во двор забралась лиса. Схватив ружье, которое всегда стояло в углу спальни, он выпустил заряд дроби в потемки. Дробинки вонзились в стену сарая, и собрание поспешно разошлось. Все разбежались по своим углам. Птицы взлетели на шестки, животные улеглись в солому, и в одно мгновение весь скотный двор заснул.

ГЛАВА 2

Три ночи спустя старый Майор тихо окошел во сне. Его похоронили в глубине фруктового сада.

Это было в начале марта. В течение следующих трех месяцев шла усиленная подпольная работа. Речь Майора дала более умным животным на ферме совершенно новый взгляд на жизнь. Они не знали, когда произойдет предсказанное Майором Восстание, у них не было основания думать, что оно произойдет на их веку, но они ясно видели, что их долг — готовить его. Работа по обучению и организации других естественно пала на свиней, которые всеми признавались самыми умными из животных. Среди свиней выдавались Снежок и Наполеон, два молодых хряка, которых фермер Джонс растил на продажу. Наполеон был большой, довольно свирепый на вид беркширский хряк, единственный этой породы на ферме, не особенный говорун, но слышавший умеющим добиваться своего. Снежок был живее Наполеона, более бойкий на язык и более шустрый, но считался более легкомысленным. Все другие свиньи мужского пола на ферме были кастраты. Самым известным среди них был маленький толстый кабан по имени Фискал. У него были кругленькие щечки, искорка в глазенках, проворные движения и пронзительный голосок. Он был блестящий говорун и, когда доказывал какой-нибудь щекотливый пункт, имел привычку ерзать с боку на бок и подпрыгивать хвостиком, и это почему-то действовало весьма убедительно. О нем говорили, что Фискал умеет превращать черное в белое.

Эти трое развили учение старого Майора в целую систему мысли, которой они дали название скотизма. Несколько раз в неделю, по ночам, когда фермер Джонс уже почивал, они устраивали тайные собрания в сарае, на которых излагали принципы скотизма другим. Поначалу они наткнулись на изрядную тупость и апатию. Некоторые животные говорили о верноподданическом долге по отношению к фермеру Джонсу, которого они называли «Хозяином», или же делали элементарные замечания вроде того, что «фермер Джонс-де нас кормит — не будь его, мы бы подошли с голоду». Другие задавали такие вопросы, как: «Какое нам дело до того, что произойдет, когда мы околеем?» или «Если этому Восстанию суждено быть, не все ли равно, работаем ли мы на него или нет?» И свиньям было отнюдь не легко объяснить им, что это противоречит духу скотизма. Самые глупые вопросы задавала Молли, белая кобылка. Первый же вопрос, который она задала Снежку, был: «А после Восстания все еще будет сахар?»

— Нет, — твердо ответил Снежок, — у нас нет способов производить сахар на этой ферме. Кроме того тебе ни к чему сахар. У тебя будет вдоволь овса и сена.

— А можно мне будет по-прежнему носить ленточки в гриве? — спросила Молли.

— Товарищ, — ответил Снежок, — эти ленточки, к которым ты так привязана — эмблема рабства. Неужели ты не понимаешь, что свобода дороже ленточек?

Молли согласилась, но это как будто не совсем убедило ее.

Самыми верными учениками свиней были две рабочие лошади, Боксёр и Кашка. Этим двум не

легко было мыслить самим, но, раз уже признав свиней своими учителями, они усваивали все, что им говорили, и с помощью простых доводов передавали усвоенное другим животным. Они никогда не пропускали тайных собраний в сарае и были запевалами, когда пелся «Скот английский», которым собрания всегда заканчивались.

Вышло так, что Восстание произошло гораздо раньше и гораздо легче, чем кто-либо ожидал. В прошлом фермер Джонс, хотя и суровый хозяин, был хорошим фермером, но за последнее время ему не везло. Он был очень расстроен, потеряв деньги на одной тяжбе, и запил сверх меры. Целые дни он просиживал, развываясь в кресле, на кухне, читал газеты, пил и время от времени кормил Моисея смоченными в пиве хлебными корками. Его работники били баклуши и воровали, поля заросли сорными травами, крыши построек зияли дырами, изгороди были в забросе, скот недокормлен.

Наступил июнь, и сенокос был на носу. В ночь на Ивана Купалу, в субботу, фермер Джонс отправился в Виллингдон и так напился в кабачке Красного Льва, что возвратился только к полудню в воскресенье. Работники подоили коров рано утром, а потом пошли ловить зайцев, не накормив животных. Возвратившись домой, фермер Джонс сразу же завалился спать на диване в гостиной, накрыв лицо газетой, так что к вечеру животные еще не были покормлены. Наконец они не вытерпели. Одна из коров проломила рогом дверь амбара, и все животные принялись уплетать корм. Как раз в этот момент фермер Джонс проснулся. Тотчас же он и его четыре работника появились в амбаре с бичами и стали хлестать во всех направлениях. Этого голодные животные не могли снести. Дружно, хотя ни-

чего и не было решено заранее, набросились они на своих мучителей. Джонс и его люди подверглись пинкам и толчкам со всех сторон. Они уже не были хозяевами положения. Никогда раньше не видали они, чтобы животные так вели себя, и этот неожиданный бунт тварей, которых они привыкли бить и мучить как им заблагорассудится, напугал их до смерти. Почти сразу же они сдали попытки защищаться и обратились в бегство. Еще минуту спустя все пятеро уже бежали во всю прыть по дорожке, которая вела к шоссе, преследуемые торжествующими животными.

Жена Джонса выглянула из окна спальни, увидела что происходит, наспех кинула кой-какие пожитки в саквояж и улизнула с фермы другой дорогой. Моисей соскочил с шестка и затрепыхал за ней с громким карканьем. Между тем животные выгнали фермера Джонса и работников на дорогу и захлопнули за ним калитку из пяти перекладин. Таким образом, прежде чем они сами сообразили в чем дело, Восстание было успешно проведено. Джонс был изгнан, и Барский Хутор стал их собственностью.

Первые несколько минут животные едва могли верить своему счастью. Их первым делом было прогалопировать всем скопом вокруг фермы, как бы для того, чтобы удостовериться, что нигде не прячется ни один человек; затем они помчались назад к службам, чтобы стереть последние следы ненавистного владычества Джонса. Они взломали сарай для сбруи в глубине конюшни: уздечки, кольца, цепи, жестокие ножи, которыми Джонс кастрировал свиней и ягнят, — все это полетело в колодезь. Вожжи, чересседельники, шоры, унижительные торбы были выброшены в кучу мусора, горевшего во дво-

ре. Так же поступили с кнутами. Все животные заплясали от радости, когда увидели, как пламя обжало кнуты. Снежок бросил также в огонь ленточки, которыми по базарным дням украшались гривы и хвосты лошадей.

«Ленты, — сказал он, — должны почитаться одеждой, которая является отличительным признаком человека. Все животные должны ходить нагишом».

Услыхав это, Боксёр пошел за маленькой соломенной шляпой, которую он носил летом, чтобы мухи не лезли ему в уши, и бросил ее в костер вместе со всем остальным.

В короткое время животные уничтожили все, что напоминало им о фермере Джонсе. Затем Наполеон отвел их обратно в амбар и выдал каждому двойную порцию корма и по два сухаря каждой собаке. Они пропели «Скот английский» семь раз подряд с начала до конца и после этого устроились на ночь. Эту ночь они спали как никогда раньше.

Но проснувшись они по обыкновению на рассвете и, вдруг, припомнив все замечательные происшествия предыдущего дня, все вместе помчались на пастбище. Здесь на лугу был пригорок, с которого открывался вид почти на всю ферму. Животные взбежали на его верхушку и оглянулись кругом при ясном утреннем свете. Да, это принадлежало им — все, что они видели, было их! В восторге от этой мысли они принялись скакать кругом, высоко подпрыгивая от возбуждения. Они катались в росе, срывали целыми пучками душистые летние травы, вскидывали комья чернозема и вдыхали его густой запах. Затем они совершили обход всей фермы и осмотрели в немом восхищении пашни, сенокос, фруктовый сад, пруд, рощу. Можно было подумать, что они ничего этого раньше никогда не видели, и

даже теперь им с трудом верилось, что все это их.

Потом они вернулись гурьбой к службам и остановились в молчании перед дверью жилого дома. Он тоже принадлежал им, но они боялись войти внутрь. Мгновение спустя, однако, Снежок и Наполеон плечами отворили дверь, и животные вошли в дом гуськом, продвигаясь с крайней осторожностью, чтобы не опрокинуть чего-нибудь. На цыпочках переходили они из комнаты в комнату, боясь говорить иначе как шепотом и глядя с каким-то почтительным ужасом на невероятную роскошь, на пуховые перины, зеркала, набитый конским волосом диван, брюссельский ковер, на литографию королевы Виктории над камином в гостиной. Они как раз спускались по лестнице, когда обнаружилось, что Молли пропала. Вернувшись, они увидели, что она осталась в главной спальне. Она взяла кусок голубой ленты с туалетного столика г-жи Джонс и приложив его к плечу, преглупо любовалась собой в зеркале. Выругав ее, они все вышли. Несколько висевших в кухне окороков были вынесены для погребения, а боченок с пивом был проломлен ударом копыта Боксёра; ничего другого в доме не было тронuto. Тут же на месте была принята единогласная резолюция, что дом фермера должен быть сохранен как музей. Все согласились, что животные никогда не должны поселяться в нем.

Животные позавтракали, а затем Снежок и Наполеон снова созвали их.

— Товарищи, — сказал Снежок, — сейчас половина седьмого и перед нами длинный день. Сегодня мы начинаем сенокос. Но сперва мы должны заняться другим делом.

Тут свиньи признались, что за последние три месяца они выучились грамоте по старому учебнику,

принадлежавшему когда-то детям фермера Джонса и выброшенному в помойку. Наполеон послал за банками черной и белой краски и провел животных к калитке, которая выходила на шоссе. Тут Снежок (ибо он писал лучше всех) взял кисть двумя суставами своей ножки, замазал слова «Барский Хутор» на верхней перекладине калитки и на их месте написал «Скотский Хутор». Таково должно было быть отныне название фермы. После этого они прошли назад к службам. Там Снежок и Наполеон послали за лесенкой, которую приставили к внутренней боковой стене большого сарая. Они объяснили, что в итоге трехмесячных занятий свиньям удалось свести принципы скотизма к семи заповедям. Эти семь заповедей будут теперь начертаны на стене; они составляют нерушимый закон, согласно которому все животные на Скотском Хуторе должны жить вовеки веков. Не без труда (свинье ведь нелегко сохранять равновесие на лесенке) Снежок забрался наверх и принялся за работу, в то время как Фискал несколькими ступеньками ниже держал банку с краской. Заповеди были начертаны на осмоленной стене большими белыми буквами, которые можно было прочесть за тридцать шагов. Они гласили:

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ

1. *Всякий, кто ходит на двух ногах — враг.*
2. *Всякий, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья — друг.*
3. *Ни одно животное не должно носить одежду.*
4. *Ни одно животное не должно спать в постели.*
5. *Ни одно животное не должно пить спиртного.*

6. Ни одно животное не должно убивать другое животное.

7. Все животные равны.

Все это было написано очень аккуратно, если не считать того, что слово «друг» было написано «дург» и что одно из «г» получилось задом наперед. Правписание всюду было правильное. Снежок прочел надпись вслух для всех остальных. Все животные кивнули головами в знак согласия, а более умные из них сразу же начали заучивать заповеди наизусть.

— А теперь, — товарищи, — воскликнул Снежок, — на сенокос! Сделаем для себя вопросом чести — собрать сено быстрее, чем это делали Джонс и его работники.

Но в этот момент все три коровы, которые уже некоторое время проявляли признаки беспокойства, громко замычали. Их не доили уже целые сутки, и их вымена готовы были лопнуть. Подумав немного, свиньи послали за ведрами и довольно успешно подоили коров; их ножки были хорошо приспособлены для этого. Вскоре пять ведер уже пенились жирным молоком, на которое многие из животных поглядывали с большим интересом.

— Куда пойдет все это молоко? — спросил кто-то.

— Джонс иногда примешивал немного к нашему корму, — сказала одна из кур.

— Не беспокойтесь о молоке, товарищи! — воскликнул Наполеон, становясь перед ведрами. — Об этом без вас позаботятся. Сенокос важнее. Товарищ Снежок поведет вас. Я приду через несколько минут. Вперед, товарищи! Сено ждет.

И животные отправились на луг, чтобы начать косьбу, а когда они возвратились вечером, они заметили, что молоко исчезло.

ГЛАВА 3

Как они потели и трудились, чтобы убрать сено! Но их усилия были вознаграждены, ибо сенокос превысил их ожидания.

Подчас работа была тяжела: орудия были приспособлены для людей, а не для животных, и было очень неудобно, что ни одно животное не могло пользоваться орудиями, которые требовали стояния на задних ногах. Но свиньи были так сообразительны, что умели найти выход из всякого затруднения. Что же до лошадей, то они знали каждую пядь поля, и, в сущности, косьба и огребание были им гораздо лучше знакомы, чем Джонсу и его работникам. Свиньи, правду говоря, сами не работали, а руководили и надзирали за другими. Было естественно, что при своем умственном превосходстве они взяли на себя руководство. Боксёр и Кашка впрягались в косилку или грабли (разумеется, теперь не нужно было ни уздечек, ни вожжей) и обходили поле, причем сзади них шла одна свинья, покрикивая, то: «Ну, товарищи», то «Тпру, товарищи!» И все животные, вплоть до самой мелюзги, трудились, переворачивая и убирая сено. Даже утки и куры хлопотали, носясь взад и вперед весь день на солнцепеке и перетаскивая в клювах крошечные клочки сена. В результате они закончили сенокос на два дня скорее, чем это обыкновенно делали Джонс и его люди. Более того, такого обильного урожая сена ферма еще никогда не видала. Ни травинки не было потеряно: зоркие утки и куры подобрали

все до последнего стебелька. И никто не своровал ни клочка.

Все лето работа на ферме шла как по маслу. Животные были так счастливы, как им никогда и не мечталось. Каждый кусок и глоток корма доставлял им истинное наслаждение, потому что, наконец, это был поистине их собственный корм, ими для себя произведенный, а не полученный от скупого хозяина. Теперь, когда жалких паразитов — людей — больше не было, каждому доставалось больше еды. Досуга было тоже больше, как ни неопытны были животные. Они наталкивались на всякие трудности — например, позже, в том же году, когда они собирали хлеб, им пришлось вытаптывать его по-старинному и отвеивать половику, так как на ферме не было молотилки. Но свиньи с их сообразительностью и Боксёр с его великолепной мускулатурой всегда вывозили. Боксёром все восхищались. Он и во времена Джонса был усердным работником, а теперь работал за троих: бывали дни, когда полевые работы, казалось, всецело лежали на его могучих плечах. С утра до ночи он толкал и таскал, всегда там, где работа была всего тяжелей. Он уговорился с одним из петушков, что тот будет будить его по утрам на полчаса раньше, чем других, чтобы он мог поработать добровольно там, где всего нужнее, до начала рабочего дня. Какая бы проблема ни возникала, какая бы неудача ни постигала их, его ответ неизменно был: «Я буду работать еще больше!». Это стало его лозунгом.

Но и все работали по мере своих сил. Куры и утки, например, сберегли пять мер зерна во время урожая, подбирая отдельные зернышки. Никто не воровал, никто не ворчал по поводу выдаваемых пайков: ссоры, свары и взаимная ревность, которые в старое

время были нормальным явлением, почти исчезли. Никто не лодырничал, — вернее, почти никто. Правда, Молли недолюбливала вставать по утрам и имела привычку рано уходить с работы под тем предлогом, что ей в копыто попал камушек. И кошка вела себя немного странно. Каждый раз, когда была какая-нибудь работа, кошку нигде нельзя было найти. Она пропадала часами, затем появлялась снова, как ни в чем не бывало, к кормежке или вечером, когда работа была закончена. У нее всегда было такое убедительное оправдание, и так она ласково мурлыкала, что нельзя было не верить ее добрым намерениям. Старый Вениамин, осел, казалось, ничуть не изменился со времени Восстания. Он делал свою работу с той же упрямой медлительностью, как и во время Джонса, никогда не уклоняясь от нее, но никогда и не переобременяя себя. О Восстании и его результатах он не высказывался. Когда его спрашивали, стал ли он счастливее после ухода Джонса, он только говорил: «Ослы живучи. Никто из вас еще не видал мертвого осла». И другим приходилось довольствоваться этим загадочным ответом.

По воскресеньям не работали, завтракали на час позже обыкновенного, а после завтрака происходила церемония, соблюдавшаяся неукоснительно каждую неделю. Сначала подъем флага. Снежок нашел в каретном сарае старую зеленую скатерть г-жи Джонс, намалевал на ней белой краской копыто и рог. Ее подымали на флагшток, стоявший в саду при ферме, каждое воскресное утро. Флаг зеленый — объяснил Снежок — потому, что он изображает зеленые поля Англии; копыто же и рог означают будущую Республику Животных, которая возникнет, когда будет окончательно низвергнут человеческий род. После подъема флага все животные сходились в

большом сарае на общее собрание, называвшееся митингом. Здесь намечалась работа на следующую неделю, вносились и обсуждались резолюции. Резолюции всегда вносились свиньями. Другие животные разбирались в голосовании, но никогда не могли придумать собственных резолюций. Снежок и Наполеон проявляли всего больше активности в прениях. Но было замечено, что они никогда не соглашались друг с другом: какое бы предложение один из них ни вносил, другой непременно возражал. Даже когда постановили отвести небольшую лужайку за фруктовым садом под дом отдыха для нетрудоспособных животных, — что само по себе не могло вызвать возражений, — возникли бурные прения о предельном рабочем возрасте для каждой категории животных. Митинг всегда заканчивался пением «Скота английского», а остаток дня — развлекались.

Каретный сарай свиньи взяли себе под штаб. Здесь по вечерам они изучали кузнечное и плотничное дело и другие ремесла по книгам, которые перенесли из жилого дома. Снежок, кроме того, занимался организацией других животных в то, что он называл «скоткомами». В этом он был неутомим. Он образовал Комитет Яйценесения для кур, Союз Чистых Хвостов для коров, Комитет по Перековке Диких Товарищей (его задачей было приручение крыс и зайцев), Движение за Более Белую Шерсть для овец и всякие другие, не говоря уж об учреждении классов грамоты. В общем затеи эти закончились провалом. Так, например, попытка приручить диких животных провалилась почти сразу же. Они продолжали вести себя по-прежнему, и когда с ними обращались великодушно, попросту пользовались этим. Кошка вошла в Комитет по Перековке и в течение нескольких дней проявляла в нем большую деятель-

ность. Раз ее видели сидящей на крыше и разговаривающей с воробьями, до которых она не могла добраться. Она внушала им, что все животные теперь товарищи, и что любой воробей может, если желает, подлететь и примоститься на ее лапке. Но воробьи держались поодаль.

Классы грамоты, впрочем, пользовались большим успехом. К осени почти каждое животное на ферме было в той или иной степени грамотным.

Что касается свиней, то они могли уже читать и писать в совершенстве. Собаки выучились читать довольно хорошо, но, кроме Семи Заповедей, чтение

их не интересовало. Коза Манька умела читать немного лучше, чем собаки и иногда по вечерам читала другим вслух обрывки газет, которые она находила в мусорной яме. Вениамин читал ничуть не хуже любой свиньи, но никогда особенно не проявлял эту способность. Насколько ему известно, говорил он, нет ничего, что бы стоило читать. Кашка выучила весь алфавит, но не умела складывать слова. Боксёр не пошел дальше буквы Г. Он чертил в пыли своим громадным копытом А, Б, В, Г и потом останавливался и созерцал буквы, закладывая уши, иногда потряхивая челкой и изо всей мочи стараясь припомнить, что идет дальше — но всегда безуспешно. Несколько раз, правда, он выучивал Д, Е, Ж, З, но всегда оказывалось, что к тому времени он забывал А, Б, В и Г. В конце концов он решил удовлетвориться первыми четырьмя буквами и выписывал их раз или два в день, чтобы освежить их в памяти. Молли отказалась заучивать какие-либо буквы, кроме четырех, входивших в ее имя. Эти буквы она складывала очень тщательно из веточек и затем украшала их несколькими цветочками и ходила вокруг, любуясь.

Ни одно другое животное на ферме не пошло дальше буквы А. Обнаружилось также, что животные поглупее, вроде овец, кур и уток, не могли выучить Семь Заповедей наизусть. По зрелом размышлении Снежок объявил, что Семь Заповедей могут быть сведены к одному правилу, а именно: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо». В этом, сказал он, заключается основной принцип скотизма. Всякий, кто полностью постиг его, обеспечен от человеческого влияния. Птицы сначала возражали, так как им казалось, что они тоже двуногие, но Снежок доказал им, что это не так.

«Птичье крыло, товарищи, — заявил он, — орган для движения, а не для манипуляций. Поэтому его следует рассматривать как ногу. Отличительная черта человека — рука, орудие, при помощи которого он совершает все дурное».

Птицы не поняли длинных слов Снежка, но приняли его объяснение, и все животные поскромнее принялись заучивать новое правило наизусть. «ЧЕТЫРЕ НОГИ — ХОРОШО, ДВЕ НОГИ — ПЛОХО» было начертано на боковой стене сарая под Семью Заповедями, еще более крупными буквами. Раз выучив это правило наизусть, овцы очень полюбили его и часто, лежа в поле, вдруг принимались блеять: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо», и делали это целые часы подряд без устали.

Наполеон не интересовался комитетами Снежка. Он говорил, что подготовка молодежи важнее всего того, что можно сделать с взрослыми. Случилось так, что и Милка и Белка оценились вскоре после сенокоса, произведя на свет девять здоровых щенят. Как только они были отняты от груди, Наполеон их отобрал, сказав, что он берет на себя всю ответственность за их образование. Он поместил их на чердаке, куда можно было забираться только по лесенке из каретного сарая, и держал их там в таком уединении, что другие животные скоро забыли о их существовании.

Вскоре выяснилось, куда пропадало молоко: его примешивали каждый день к свиному корму. Начали созреть ранние яблоки, и трава в фруктовом саду была покрыта падалками. Животные, разумеется, полагали, что их будут распределять поровну. Но в один прекрасный день вышел приказ собирать все падалки и приносить их в каретный сарай для свиней. Некоторые животные возроптали, но без-

успешно. Все свиньи в этом вопросе были заодно, даже Снежок и Наполеон. Фискала послали дать необходимые разъяснения остальным.

«Товарищи! — воскликнул он. Вы не воображаете, я надеюсь, что мы, свиньи, делаем это из себя-любия или в порядке привилегий? Многие из нас даже не любят молока и яблок. Я сам их не люблю. Если мы берем себе эти вещи, наша единственная цель — наше здоровье. Молоко и яблоки (это доказано наукой, товарищи) содержат вещества, совершенно необходимые для здоровья свиней. Мы, свиньи, трудимся умственно. Все заведывание и организация этой фермы лежат на нас. День и ночь мы заботимся о вашем благополучии. Ради вас мы пьем это молоко и едим эти яблоки. Вы знаете, что случится, если мы, свиньи, не выполним своей обязанности? Джонс вернется! Неужели, товарищи, — воскликнул Фискал почти умоляющим голосом, подпрыгивая и подергивая хвостиком, — неужели хоть один из вас хочет, чтобы Джонс вернулся?!»

В самом деле, если в чем животные были вполне уверены, так это в том, что ни одно из них не желает возвращения Джонса. Когда вопрос был представлен в таком свете, им нечего было возразить. Было слишком ясно, как важно поддерживать свиней в добром здоровье. Поэтому без дальнейших споров решено было предоставить свиньям молоко и падалку, а равно и весь урожай яблок, когда они созреют.

ГЛАВА IV

К концу лета весть о том, что случилось на Скотском Хуторе, разнеслась по половине графства. Каждый день Снежок и Наполеон высылали стаи голубей, которым поручалось завязывать связи с животными на других фермах, рассказывать им о Восстании и учить их мотиву «Скота английского».

Почти все это время фермер Джонс просидел в кабачке «Красный Лев» в Виллингдоне, жалуясь всем, кто готов был его слушать, на постигшую его чудовищную несправедливость, рассказывая о том, как его выгнала с фермы шайка бездельников животных. Другие фермеры в принципе сочувствовали ему, но сначала не оказывали ему особенной помощи. В душе каждый из них спрашивал себя, не может ли он как-нибудь обратить беду Джонса себе на пользу. К счастью, владельцы двух примыкавших к Скотскому Хутору ферм были всегда на ногах. Одна из них, называвшаяся Лисий Заказ, представляла собой большое, запущенное, старомодное хозяйство, поросшее кустарником, с вытоптанными пастбищами и изгородями, находившимися в безобразном состоянии. Хозяин ее, г-н Пилкингтон, был нерадивый помещик, проводивший большую часть времени на рыбной ловле или на охоте, смотря по сезону. Другая ферма, называвшаяся Скудополье, была поменьше и лучше содержалась. Ее владелец был г-н Фридрих, прижимистый, хитрый человек, вечно запутанный в тяжбах и слывший своим умением обделывать выгодные сделки. Они до того не любили друг друга, что им было трудно о чем-

либо договориться, даже в защиту собственных интересов.

Тем не менее, их обоих здорово перепугало Восстание на Скотском Хуторе, и они вовсе не желали, чтобы их животные узнали слишком много о нем. Сначала они делали вид, что им кажется до смешного нелепой самая мысль о том, что животные могут сами управлять хозяйством. Через две недели всему этому наступит конец, говорили они. Они пустили слух, что животные на Барском Хуторе (они настаивали на том, чтобы употреблять это название, не вынося названия Скотский Хутор) вечно дерутся между собой и быстро дохнут с голоду. Но по мере того, как время проходило и животные явно не дошли с голоду, Фридрих и Пилкингтон затянули другую песенку и стали говорить об ужасном разврате, царящем на Скотском Хуторе. Пошла молва, что тамошние животные предаются каннибализму, пытаются друг друга раскаленными подковами и делят между собой самок.

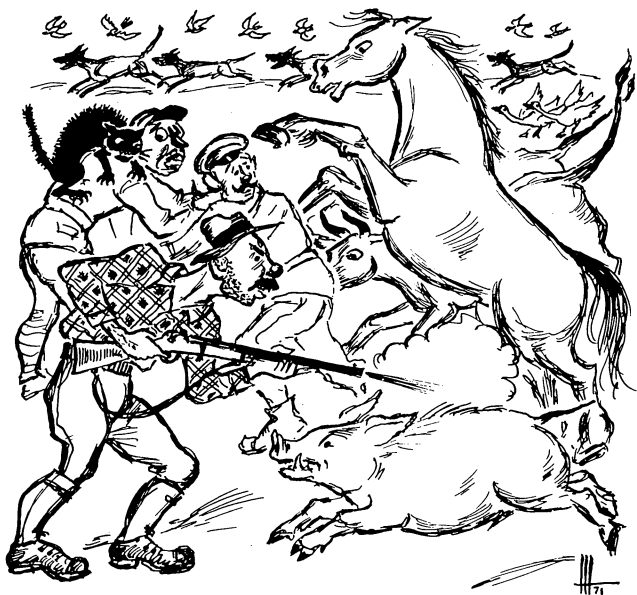
Однако, этим рассказам до конца не верили. Слухи о чудесной ферме, где людей выгнали вон, и где животные самоуправляются, продолжали циркулировать в смутной и искаженной форме, и в этот год волна восстаний прокатилась по всей округе. Всегда покладистые быки внезапно свирепели, овцы ломали изгороди и пожирали клевер, коровы опрокидывали ведра, охотничьи лошади отказывались брать барьеры и перекидывали через них всадников. Главное же, мотив и даже слова «Скота английского» стали известны повсюду. Песня эта распространилась с поразительной быстротой. Люди не могли сдержаться бешенства, когда ее слышали, хотя и притворялись, что находят ее просто смехотворной. Они не понимают, говорили они, как даже животные могли опус-

таться до того, чтобы петь такую жалкую чепуху. Каждое животное, которое заставляли поющим эту песню, тут же наказывали плетью. И все-таки песня брала свое. Дрозды свистали ее в кустах, голуби ворковали ее на вязах, она врывалась в гул кузниц и в колокольный звон. И люди, слушая ее, втайне дрожали, слыша в ней пророчество своей гибели.

В начале октября, когда урожай был снят и частью уже и обмолочен, стайка голубей в диком возбуждении спустилась посреди Скотского Хутора. «Джонс и все его работники — сообщили они — с полдюжиной других из Лисьего Заказа и Скудополья вошли в околицу и идут по дорожке, ведущей на ферму. Все несут палки, кроме Джонса, который шагает во главе с ружьем в руках. Ясно, что они попытаются отвоевать ферму».

Этого давно ожидали, и все приготовления были сделаны. Снежок, который изучал старую книжку о походах Юлия Цезаря, найденную им в доме фермера, был поставлен во главе обороны. Он быстро отдал приказания, и через две-три минуты все животные были на своих постах.

Когда люди стали приближаться к службам, Снежок открыл первую атаку. Все голуби, числом тридцать пять, летая над головами людей, сбрасывали на них с воздуха помет; и пока люди отмахивались от этого, гуси, прятавшиеся за изгородью, принялись яростно щипать их за ляжки. Это была, однако, лишь небольшая диверсия с целью вызвать замешательство, и люди без труда отогнали гусей палками. Снежок начал вторую атаку. Манька, Вениамин и все овцы со Снежком во главе кинулись вперед и стали пинать и бодать людей со всех сторон, а Вениамин повернулся задом и лягал их копытцами. Но и на этот раз люди со своими палками и под-

битыми гвоздями сапогами оказались сильнее животных, и внезапно, когда Снежок взвизгнул — что означало сигнал к отступлению — все животные повертели и ринулись через ворота во двор.

Люди испустили торжествующий крик. Они вообразили, что неприятель бежит в беспорядке, и понеслись вслед. Этого-то и нужно было Снежку. Как только они проникли вглубь двора, три лошади и три коровы и остальные свиньи, лежавшие в засаде в коровнике, внезапно показали у них в тылу и отрезали им отступление. Снежок подал сигнал к атаке. Сам он бросился на Джонса. Джонс заметил его приближение, вскинул ружье и выстрелил. Пули оставили кровавые полосы на спине Снежка, и одна

овца упала замертво. Не останавливаясь ни на секунду, Снежок бросил свою пятипудовую тушу под коленки Джонсу. Джонс свалился в навозную кучу, и ружье вылетело у него из рук. Но всего страшнее был Боксёр, становившийся на дыбы как заправский жеребец и размахивавший своими огромными подкованными копытами. Первый же его удар пришелся по черепу одного из грумов из Лисьего Заказа, и тот растянулся, безжизненный, в грязи. При виде этого несколько человек побросали палки и пытались бежать. Паника охватила всех, и в следующее мгновение животные уже дружно гоняли их вокруг двора. Их бодали, лягали, кусали, топтали. Не было животного на ферме, которое по-своему бы не отомстило им. Даже кошка внезапно спрыгнула с крыши на плечи одного из пастухов и вонзила когти ему в шею, от чего он дико завопил. Как только для них открылся выход, люди с радостью пустились со двора и побежали к шоссе. Итак, пять минут спустя после своего вторжения, они уже позорно отступали тем же путем, которым пришли, а стадо гусей преследовало их всю дорогу, шипя и хватая за ляжки.

Все люди ушли, кроме одного. В глубине двора Боксёр тыкал копытом грума, лежавшего ничком в грязи, стараясь перевернуть его. Парень не двигался.

«Он мертв, — печально сказал Боксёр, — я не имел намерения убить его. Я забыл, что на мне железные подковы. Кто поверит, что я сделал это не нарочно?».

«Без сентиментальничанья, товарищи!», — воскликнул Снежок, из ран которого все еще капала кровь. «Война есть война. Только мертвые люди хороши».

«Я не желаю проливать кровь, даже человеческую», — повторял Боксёр, и в глазах у него стояли слезы.

«Где Молли?!» — вскричал кто-то.

Молли, действительно, пропала.

Поднялась была тревога: боялись, что люди могли как-нибудь обидеть ее или даже увести ее с собой. В конце концов, однако, оказалось, что она пряталась в стойле, зарывшись головой в сено в кормушке. Она сбежала, как только раздался выстрел. А когда все вернулись с поисков, то обнаружилось, что грум, который был только оглушен, пришел тем временем в себя и скрылся.

Животные собрались в крайнем возбуждении, и каждый во весь голос рассказывал о собственных подвигах в сражении. Немедленно же было организовано празднование победы. Был поднят флаг, несколько раз спели «Скот английский», потом торжественно похоронили убитую овцу и на могиле посадили боярышник. Снежок произнес над могилой небольшую речь, подчеркнув, что все животные должны быть готовы, если понадобится, умереть за Скотский Хутор.

Животные единогласно постановили учредить военный орден «Скот-Герой первого класса», который тут же был пожалован Снежку и Боксёру. Он представлял из себя медную медаль (на самом деле, это были старые медные лошадиные бляшки, найденные в каретном сарае), которую полагалось носить по воскресеньям и праздникам. Установлен был также орден «Скот-Герой второго класса», посмертно пожалованный убитой овце.

Долго спорили о том, как назвать сражение. В конце концов решено было назвать его сражением

при Коровнике, так как именно там была устроена засада. Ружье фермера Джонса нашли валяющимся в грязи, и стало известно, что в фермерском доме имеется запас патронов. Было решено установить ружье у подножья флагштока в виде пушки и стрелять из него два раза в год — раз 12 октября, в годовщину сражения при Коровнике, и раз в канун Ивана Купалы, в Годовщину Восстания.

ГЛАВА V

С приближением зимы с Молли было все больше и больше хлопот. Каждое утро она опаздывала на работу, говоря в извинение, что проспала. Жаловалась на таинственные боли, хотя аппетит был у нее превосходный. Под всяким предлогом убегала с работы, шла к пруду и простаивала там, глупо любясь своим отражением в воде. Но ходили слухи и о более серьезных проступках. Однажды, когда Молли прогуливалась безмятежно по двору, помахивая длинным хвостом и жуя клочек сена, Кашка отвела ее в сторону.

— Молли, — сказала она, — я должна поговорить с тобой о чем-то очень серьезном. Сегодня утром я видела, как ты смотрела через изгородь, отделяющую Скотский Хутор от Лисьего Заказа. Один из работников г-на Пилкингтона стоял по другую сторону изгороди и — я была очень далеко, но почти уверена, что видела это — разговаривал с тобой, а ты позволяла ему гладить себя по морде. Что это значит, Молли?

— Вовсе нет! Вовсе нет! Все это враки! — вскричала Молли, гарцуя и роя копытом землю.

— Молли! посмотри мне в глаза. Даешь ты честное слово, что этот человек не гладил тебя по морде?

— Все это враки! — повторила Молли, но не посмела посмотреть Кашке в глаза и тотчас же пустилась прочь и ускакала в поле.

Кашке пришла в голову одна мысль. Ничего не говоря другим, она пошла в стойло Молли и копытом разворошила солому. Под соломой были запря-

таны маленькая кучка кускового сахара и несколько пучков разноцветных лент.

Три дня спустя Молли исчезла. Несколько недель ничего не было известно о ее местопребывании, затем голуби донесли, что видели ее по ту сторону Виллингдона. Она была впряжена в нарядный черно-красный кабриолет, стоявший перед трактиром. Толстый краснощекий человек в клетчатых рейтузах и гетрах, похожий на трактирщика, гладил ее по морде и кормил сахаром. Она была гладко подстрижена, и вокруг челки у нее была алая ленточка. Вид у нее был довольный, сообщили голуби. Никто из животных никогда больше не вспоминал ее имени.

В январе наступила суровая зима. Земля была как железо, и в полях ничего нельзя было делать. В большом сарае было много митингов, и свиньи занимались планированием работ на следующий сезон. Так уж повелось, что свиньи, которые были умнее других животных, решали все вопросы хозяйственной политики, хотя их решения и должны были утверждаться большинством голосов. Этот распорядок был бы вполне хорош, если бы не раздоры между Снежком и Наполеоном. Эти двое расходились по всякому вопросу, где только расхождение было возможно. Если один из них предлагал засеять бóльшую площадь ячменем, то другой непременно требовал бóльшей площади под овес, а если один говорил, что такое-то и такое-то поле как раз подходит под капусту, то другой заявлял, что оно не годится ни подо что, кроме корнеплодов. У каждого были свои сторонники, и происходили яростные прения. На митингах Снежок часто получал большинство, благодаря своим блестящим речам, но Наполеон умел лучше обеспечивать себе

поддержку между собраниями. Он пользовался особым успехом у овец. В последнее время овцы кстати и некстати принимались блять «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо» и своим блеянием зачастую прерывали собрания. Было подмечено, что особенно были склонны затягивать «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо» в критические минуты во время речей Снежка. Снежок тщательно изучил некоторые старые номера журнала «Хуторянин и животновод», которые он нашел в фермерском доме, и был полон планов разных нововведений и улучшений. Он говорил учено о дренаже полей, о силосе, о томас-шлаке и разработал сложный план, по которому все животные должны были оставлять навоз прямо на полях, каждый раз в другом месте, чтобы сберечь труд по перевозке. Наполеон не предлагал никаких своих планов, но спокойно заявил, что планы Снежка ни к чему не приведут и, казалось, выжидал. Но из всех свар самой ожесточенной была свар из-за мельницы.

На длинном лугу, неподалеку от служб, был небольшой пригорок — самая высокая точка на всей ферме. Осмотрев местность, Снежок объявил, что это самое подходящее место для мельницы, с помощью которой можно будет приводить в действие динамо и обслуживать ферму электрической энергией. Таким образом, можно будет освещать стойла и отапливать их зимой, а также приводить в действие круглую пилу, соломорезку, свеклорезку и электрическую доилку. Животные никогда не слышали ни о чем подобном (ферма была старомодная и располагала только самыми примитивными машинами) и слушали с изумлением, как Снежок рисовал им картины фантастических машин, которые будут за них работать, пока они привольно пасутся в по-

лях или совершенствуют свой ум чтением и беседой.

В одну неделю планы Снежка насчет мельницы были полностью разработаны. Механические детали он взял главным образом из трех книжек, принадлежавших фермеру Джонсу: «Тысяча полезных советов по дому», «Каждый сам себе каменщик» и «Электричество для начинающих». В качестве своего кабинета Снежок употреблял сарайчик, служивший когда-то для инкубаторов, где был гладкий деревянный пол, на котором удобно было чертить. Там он уединялся часами. Положив камень на раскрытые книги и держа кусок мела между суставами ножки, он быстро передвигался взад и вперед, чертя линию за линией и испуская всхлипывания восторга. Постепенно чертежи выросли в сложную систему зубцов и колесиков, покрывавшую больше половины пола. Другие животные находили ее совершенно непонятной, но очень внушительной. Все они приходили хоть раз в день поглядеть на чертежи Снежка. Один Наполеон держался в стороне. Он с самого начала высказался против мельницы. В один прекрасный день, однако, он неожиданно пришел посмотреть чертежи. Обойдя тяжелой походкой сарай, он изучил внимательно каждую подробность чертежей, фыркнул на них раза два, постоял, рассматривая их искоса; потом вдруг поднял ножку, помочился на чертежи и вышел, не говоря ни слова.

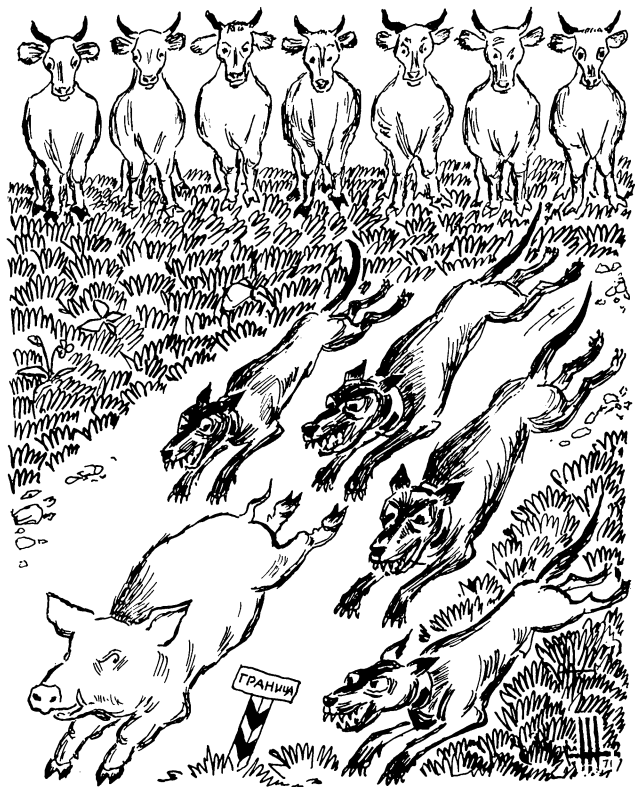
Вся ферма резко разделилась по вопросу о мельнице. Снежок не отрицал, что построить ее будет дело нелегкое. Придется ломать камни и возводить стены, затем надо будет смастерить крылья, после чего понадобятся динамо и кабели. (Как раздобыть последние, Снежок не говорил). Но он утверждал, что все это можно будет сделать в один год. После чего, заявил он, животным, благодаря экономии

труда, придется работать всего три раза в неделю. Наполеон, с другой стороны, доказывал, что главная текущая задача — увеличить производство продовольствия и что, если будут тратить время на мельницу, то все они околеют с голоду. Животные разбились на две партии под лозунгами: «Голосуйте за Снежка и трехдневную неделю» и «Голосуйте за Наполеона и полную кормушку». Вениамин один не присоединился ни к той, ни к другой партии. Он отказывался верить и что корм станет более обильным и что мельница сэкономит труд. «Будет мельница, не будет ее, — говорил он, — жизнь будет идти по-прежнему, то есть плохо».

Помимо споров из-за мельницы, возник еще вопрос об обороне фермы. Все прекрасно понимали, что, хотя люди и были разбиты в сражении при Коровнике, они могут сделать еще одну, более решительную попытку отбить ферму и водворить назад фермера Джонса. У них было тем более оснований стремиться к этому, что весть о их поражении разнеслась по всей округе и еще более взбудоражила животных на соседних фермах. Как всегда, Снежок и Наполеон разошлись. По мнению Наполеона, животные должны были раздобыть огнестрельное оружие и научиться употреблять его. По мнению Снежка, они должны были высылать все больше и больше голубей и вызывать восстания среди животных на других фермах. Один доказывал, что если они не смогут обороняться, их неизбежно завоюют; другой утверждал, что, если восстания произойдут всюду, не будет нужды в обороне. Животные выслушивали сначала Наполеона, потом Снежка и не могли решить, который из них прав; правду сказать, они всегда соглашались с тем, который говорил в данный момент.

Наконец, наступил день, когда чертежи Снежка были закончены. На митинге в ближайшее затем воскресенье вопрос о том, начинать или нет работу по постройке мельницы, должен был быть поставлен на голосование. Когда животные сошлись в большом сарае, Снежок встал и, хотя и прерываемый порой блеянием овец, изложил свои доводы в пользу постройки мельницы. Затем поднялся Наполеон, чтобы отвечать ему. Он заявил очень спокойно, что мельница — чепуха и что он не советует никому голосовать за нее, и тотчас же сел на свое место. Он говорил всего каких-нибудь тридцать секунд и, казалось, ему было безразлично, какой эффект он произвел. Тут Снежок вскочил на ноги и, перекрикивая овец, которые снова заблеяли, произнес страстную речь в защиту мельницы. До тех пор симпатии животных делились более или менее поровну, но красноречие Снежка мгновенно увлекло их. Яркими фразами нарисовал он картину Скотского Хутора, каким он станет, когда черный труд спадет с плеч животных. Его воображение увело его теперь далеко за пределы соломорезок и свеклорезок. С помощью электричества, говорил он, можно приводить в движение молотилки, плуги, бороны, укатыватели, жнейки и сноповязалки, а также снабжать каждое стойло электрическим освещением, горячей и холодной водой и отоплением. Когда он кончил, не могло быть никакого сомнения в том, как пройдет голосование. Но как раз в эту минуту Наполеон встал и, кинув искоса какой-то странный взгляд на Снежка, издал пронзительный взвизг, какого раньше никогда от него не слыхали.

Тут снаружи послышался жуткий лай, и девять громадных псов в медных ошейниках ворвались в сарай. Они кинулись прямо к Снежку, который еле-

еле успел вскочить со своего места и избежать их щелкающих разинутых пастей. В одно мгновение он был за дверью. Они погнались за ним. Чересчур изумленные и перепуганные, чтобы говорить, животные протискались в дверь и стали наблюдать погоню. Снежок неся через луг, примыкавший к до-

роге. Он бежал как только свиньи умеют бегать, но собаки гнались за ним по пятам. Вдруг он поскользнулся, и, казалось, они вот-вот настигнут его. Но тут он вскочил и побежал быстрее, чем прежде. Затем собаки опять стали настигать его. Одна из них чуть не цапнула его за хвостик, но он как раз вовремя увернулся. Тогда он прибавил ходу и, выгадав несколько вершков, проскользнул в дыру в изгороди — и был таков.

Наполеон, сопровождаемый собаками, взобрался на помост, с которого когда-то Майор держал свою речь. Он объявил, что отныне воскресные утренние митинги отменяются. Они ни к чему и только трата времени, сказал он. В будущем все вопросы, относящиеся к ведению хозяйства, будут решаться особой комиссией из свиней под его председательством. Эта комиссия будет заседать закрыто и потом предавать гласности свои решения. Животные будут по-прежнему собираться по воскресеньям утром, чтобы отдавать салют флагу, петь «Скот английский» и получать распоряжения на неделю; но прений больше не будет.

Несмотря на потрясение, которое причинило им изгнание Снежка, животные были неприятно ошарашены этим сообщением. Некоторые из них стали бы протестовать, если бы умели подыскать надлежащие доводы. Даже Боксёр был смутно встревожен. Заложив уши, он несколько раз потряс челкой, как бы собираясь с мыслями, но в конце концов не придумал, что сказать. Кое-кто из свиней, впрочем, проявил больше смекалки. Четыре молодых поросенка в переднем ряду издали пронзительные возгласы неодобрения. Все четверо вскочили на ноги и заговорили все разом. Но окружавшие Наполеона псы внезапно зарычали угрожающе, и свиньи смолк-

ли и уселись на места. Тут овцы оглушительно заблеяли «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!», и это продолжалось почти четверть часа и сделало невозможным какое-либо обсуждение.

Позже Фискалу поручили обойти ферму и объяснить животным новый порядок.

«Товарищи, — говорил он, — я надеюсь, что все наши животные понимают, какую жертву принес Наполеон, беря на себя этот лишний труд. Не воображайте, товарищи, что быть вождем — удовольствие. Напротив, это великая и тяжелая ответственность. Никто больше товарища Наполеона не убежден в том, что все животные равны. Он был бы только счастлив предоставить вам самим принимать решения. Но может случиться, что вы примете неправильное решение, товарищи, и где мы тогда окажемся? Что было бы, если бы вы последовали за Снежком с его фантастическими мельницами — за Снежком, который, как нам теперь известно, был просто преступник?».

— Он бился доблестно в сражении при Коровнике, — вставил кто-то.

— Одной доблести мало, — сказал Фискал. — Лояльность и покорность важнее. Что же касается сражения при Коровнике, я думаю, придет время, когда мы убедимся, что роль Снежка в нем сильно преувеличена. Дисциплина, товарищи, железная дисциплина! — вот лозунг дня. Один неверный шаг — и наши враги обрушатся на нас. Вы же не хотите, товарищи, чтобы фермер Джонс вернулся?

И опять на этот довод не было ответа. Разумеется, животные не хотели возвращения Джонса. Если устройство прений по воскресным утратам могло привести к его возвращению, тогда прения должны быть отменены. Боксёр, который к этому времени успел

обдумать положение, выразил общие чувства, сказав: «Если товарищ Наполеон так говорит, значит это верно». И с тех пор он стал держаться правила «Наполеон всегда прав» — вдобавок к своему личному лозунгу: «Я буду трудиться еще пуще».

Погода переменялась, и началась весенняя вспашка. Сарай, в котором Снежок чертил свои планы, был заперт; все полагали, что чертежи на полу были стерты. Каждое воскресенье в десять часов утра животные собирались в большом сарае, чтобы получать инструкции на неделю. Череп старого Майора выкопали из земли и установили на пне у подножья флагштока, рядом с ружьем. После подъема флага животные должны были почтительно дефилировать перед черепом, прежде чем войти в сарай. Теперь они больше не сидели все вместе, как прежде. Наполеон с Фискалом и другой свиньей, которую звали Минимус и которая обладала замечательным даром сочинять песни и стихи, сидел впереди на помосте, девять молодых псов стояли около них полукругом, а другие свиньи сидели позади. Остальные животные сидели лицом к ним, занимая большую часть сарая. Наполеон грубовато, по-военному, отдавал распоряжения на неделю, и, пропев раз «Скот английский», животные расходились.

На третье воскресенье после изгнания Снежка животные не без удивления выслушали Наполеона, объявившего, что мельница все же будет построена. Он не объяснил, почему он передумал, а только предупредил животных, что это будет означать лишнюю тяжелую работу, может быть, даже придется сократить пайки. Планы, однако, все уже были готовы, вплоть до мельчайших деталей. Особая комиссия, состоявшая из свиней, разрабатывала их в течение этих последних трех недель.

Надо ждать, что сооружение мельницы и разные другие улучшения возьмут два года.

В тот же вечер Фискал частным образом объяснил другим животным, что Наполеон в сущности никогда не был против мельницы. Наоборот, это он отстаивал ее с самого начала, и план, который Снежок начертил на полу сарая с инкубатором, был фактически выкраден из бумаг Наполеона. Мельница на самом деле была созданием Наполеона. Почему же, спросил кто-то, он выступал так резко против нее? Тут Фискал соорудил прелукавую мину. В этом, сказал он, состояла хитрость товарища Наполеона. Он, только прикидывался, что он против мельницы, просто в виде уловки, чтобы отделаться от Снежка, который был опасен и имел дурное влияние. Теперь, когда Снежка убрали, можно провести весь план без его вмешательства. Это, сказал Фискал с веселым смешком, то, что называется тактикой. Он несколько раз повторил: «Тактика, товарищи, тактика!», подпрыгивая и помахивая хвостиком. Животные не совсем понимали, что значит это слово, но Фискал говорил так убедительно, а три пса, которые были с ним, рычали так угрожающе, что они без дальнейших вопросов приняли это объяснение.

ГЛАВА VI

Весь этот год животные работали как каторжные. Но они были довольны своей работой. Они не щадили ни усилий, ни жертв, прекрасно сознавая, что все, что они делают, идет на благо им же и их потомкам, а не шайке бездельных и вороватых людей.

Всю весну и все лето они работали по 60 часов в неделю, а в августе Наполеон объявил, что придется работать и после обеда по воскресеньям. Этот труд был чисто добровольный, но за прогул всякому животному уменьшали вдвое его паек. И то часть работы приходилось оставлять несделанной. Урожай выдался не такой хороший как в прошлом году и два поля, которые должны были быть засеяны в начале лета корнеплодами, остались незасеянными, так как вспашка не была закончена во-время. Можно было предвидеть, что предстоящая зима будет тяжелой.

С мельницей встретились неожиданные трудности. На ферме имелась хорошая известняковая каменоломня, а в одном из строений было найдено вдоволь песка и цемента, так что все строительные материалы были налицо. Но задача, которую животные сперва не могли разрешить, была в том, как разбить камень на куски подходящего размера. Казалось, это можно было сделать лишь при посредстве кирок и ломов, которых ни одно животное не могло употреблять, так как ни одно из них не умело стоять на задних ногах. Только после нескольких недель тщательных усилий кто-то до-

думался до правильной мысли, а именно — использовать силу притяжения. Огромные валуны, слишком большие, чтобы их можно было употреблять в таком виде, были разбросаны по всей каменоломне. Животные окручивали их веревками и затем все заодно — коровы, лошади, овцы, все животные, которые могли взяться за веревку (даже свиньи иногда принимали участие в эти критические минуты) — втаскивали их с удручающей медленностью вверх по склону на верх каменоломни, откуда их сбрасывали вниз — там они разбивались на куски. Перевезти уже разбитый камень было сравнительно просто. Лошади отвозили его в телегах, овцы тащили отдельные куски, даже Манька и Вениамин впряглись в старый шарабан и вложили свою долю труда. К концу лета было припасено достаточно камня, и началась постройка под надзором свиней.

Но это было медленное, трудное дело. Требовался, бывало, целый день изнурительного труда, чтобы втащить один валун наверх, а иногда он не разбивался, когда его спихивали вниз. Ничего бы не вышло, если бы не Боксёр, сила которого, казалось, равнялась силе всех остальных животных вместе взятых. Это он натуживался и останавливал валун каждый раз, когда тот начинал скользить и животные вскрикивали в отчаянии, потому что их тянуло вниз. Вид его, когда он, прерывисто дыша, цепляясь копытами за землю, с огромными боками, лоснящимися от пота, пядь за пядью карабкался вверх, вызывал у всех восхищение. Кашка иногда предостерегала его, чтобы он не перенапрягался, но Боксёр не слушал ее. Его два лозунга — «Я буду трудиться еще пуще» и «Наполеон всегда прав» — казались ему достаточным ответом на все проблемы. Он условился с петушком, что тот будет будить его по

утрам не на полчаса, а на три четверти часа раньше. А в свободное время, которого в эти дни было немного, он отправлялся один к каменоломне, подбирал разбитые камни и тащил их к месту постройки мельницы без чьей-либо помощи.

Все то лето животным жилось не слишком плохо, несмотря на тяжелую работу. Если у них было и не больше корма, чем во времена Джонса, то по крайней мере его было и не меньше. То преимущество, что им надо было прокармливать лишь самих себя, а не содержать еще пять расточительных человеческих существ, было так велико, что понадобилось бы много неудач, чтобы перевесить его. И во многих отношениях их способ ведения дела был более продуктивен и сберегал труд. Такая работа, например, как выпалывание сорных трав, могла проделываться с тщательностью, которая недоступна была людям. Опять же, так как животные теперь не воровали, незачем было отгораживать пастбище от пахотной земли, и это означало большую экономию труда по поддержанию изгородей и калиток. Тем не менее, по мере того, как лето шло на убыль, начали ощущаться разные непредвиденные недохватки. Нужны были керосин, гвозди, веревка, сухари для собак, железо для подков — всё вещи, которых нельзя было производить на ферме. Позднее должны были понадобиться семена и искусственное удобрение, не считая разных инструментов и, наконец, машины для мельницы. Как достать все это, никто не мог приложить ума.

В одно прекрасное воскресное утро, когда животные собрались получать инструкции, Наполеон объявил, что он решил применить новую политику. Отныне Скотский Хутор заведет торговлю с сосед-

ними фермами — конечно, не с какими-нибудь коммерческими целями, а просто для того, чтобы обзавестись некоторыми насущными материалами. Нужды мельницы, сказал он, должны вытеснить все остальные соображения. Поэтому он договаривается о продаже стога сена и части текущего урожая зерна. А впоследствии, если понадобятся еще деньги, придется продавать яйца, на которые всегда есть спрос в Виллингдоне. «Куры, — сказал Наполеон, — должны приветствовать эту жертву, как свой специальный вклад в дело постройки мельницы».

Еще раз животные ощутили смутное беспокойство. Никогда не иметь ничего общего с людьми, никогда не заниматься торговлей, никогда не употреблять денег — разве не таковы были самые первые постановления, принятые на первом же торжественном митинге после изгнания Джонса? Все животные помнили как принимались эти постановления, или по крайней мере так им казалось. Четыре поросенка, которые протестовали, когда Наполеон отменил митинги, робко подняли голос, но страшное рычанье собак быстро заставило их замолчать. Потом, как всегда, овцы затаили «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо», и мгновенное замешательство было заглажено. Наконец, Наполеон поднял ножку в знак молчания и объявил, что он уже обо всем распорядился. Ни одному из животных не нужно будет вступать в общение с людьми, что разумеется было бы весьма нежелательно. Все бремя он берет на себя. Некий г-н Уимпер, стряпчий, проживающий в Виллингдоне, согласился быть посредником между Скотским Хутором и внешним миром и будет заезжать на ферму по понедельникам утром за инструкциями. Наполеон за-

кончил речь обычным возгласом: «Да здравствует Скотский Хутор!», и после того как был спет «Скот английский», животных выпустили.

Позже Фискал обошел ферму и успокоил животных. Он заверил их, что постановление против торговли и употребления денег никогда не проводилось и даже не вносилось. Это было чистейшее воображение, источник которого надо, вероятно, искать в ложных слухах, распространявшихся Снежком. Некоторые животные все еще немного сомневались, но Фискал лукаво спросил их: «Уверены ли вы, товарищи, что все это вам просто не приснилось? Есть у вас какой-нибудь письменный след такого постановления? Записано ли оно где-нибудь?». И так как было несомненно, что ничего подобного письменно не существовало, то животные убедились в своей ошибке.

По понедельникам г-н Уимпер стал заезжать на ферму, как было уговорено. Это был маленький, лукавого вида человечек с бакенбардами, мелкий стряпчий по профессии, но достаточно сметливый, чтобы сообразить раньше других, что Скотскому Хутору понадобится комиссионер и что комиссия будет стоящая. Животные следили за его прибытием и отбытием не без страха и по возможности избегали его. Тем не менее вид Наполеона, который на своих четырех ногах отдавал распоряжения стоявшему на двух ногах Уимперу, возбуждал их гордость и отчасти примирял их с новым порядком. Их отношения с человеческим родом были теперь не совсем такие как прежде. Люди ничуть не меньше ненавидели Скотский Хутор теперь, когда он процветал; по правде, они ненавидели его больше, чем когда-либо. Для каждого человека убеждение, что рано или поздно Скотский Хутор обанкротится,

а главное, что мельница провалится, являлось символом веры. Они встречались в кабаках и при помощи диаграмм доказывали друг другу, что мельница должна обрушиться, а если и устоит, то не будет работать. И все же невольно они стали проявлять некоторое уважение к успешному ведению животными своих дел. Одним из признаков этого было то, что они стали называть Скотский Хутор его настоящим именем и перестали делать вид, что он называется Барский Хутор. Они перестали также защищать Джонса, который отказался от надежды отвоевать ферму и переселился в другие края. Иначе как через Уимпера, между Скотским Хутором и внешним миром все еще не было сношений, но все время ходили слухи, что Наполеон собирается заключить деловое соглашение либо с г-ном Пилкингтоном из Лисьего Заказа, либо с г-ном Фридрихом из Скудополья, но ни в коем случае не с обоими одновременно.

Примерно в это же время свиньи внезапно перебрались в фермерский дом и поселились там. Опять животным припомнилось постановление против этого, проведенное в самом начале, и опять Фискалу удалось убедить их, что это не так. Совершенно необходимо, говорил он, чтобы у свиней, на которых лежит весь умственный труд на ферме, был спокойный уголок для работы. Достоинству Вождя (ибо в последнее время он стал говорить о Наполеоне, как о «Вожде») больше подобает жить в доме, чем в обыкновенном хлеву. Все же некоторые животные всполошились, услышав, что свиньи не только едят на кухне и пользуются гостинной для отдыха, но и спят в постелях. Боксёр отмахнулся, как всегда, своим «Наполеон всегда прав!», но Кашка, которой казалось, что она помнит определенное пра-

вило против постелей, пошла в глубину сарая и пыталась разобрать начертанные там Семь Заповедей. Увидя, что она может прочесть только отдельные буквы, она позвала Маньку.

— Манька, — сказала она, — прочти мне Четвертую Заповедь. Разве там не говорится о спанье в постели?

Манька с некоторым трудом стала читать по складам.

— Здесь сказано: Ни одно животное не должно спать в постели между простынями, — объявила она наконец.

Как это ни странно, Кашка не могла припомнить, чтобы в Четвертой Заповеди упоминались простыни; но так написано на стене, так оно, значит, и есть. И Фискал, который как раз проходил в это время, сопровождаемый двумя или тремя собаками, тут же дал необходимые разъяснения.

— Вы, значит, слышали, товарищи, — сказал он, — что мы, свиньи, спим теперь в постелях в фермерском доме? Почему бы нет? Неужели вы полагали, что когда-нибудь было правило против *постелей*? Постель просто означает место, на котором спишь. Куча соломы в стойле тоже, собственно говоря, постель. Правило говорило о *простынях*, которые являются человеческой выдумкой. Мы сняли простыни с постелей в фермерском доме и спим между одеялами. И какие это удобные постели! Но ничуть не удобнее, товарищи, чем то, что нам подбает, скажу вам, принимая во внимание тот умственный труд, который нам приходится теперь нести. Вы же не станете лишать нас нашего отдыха, не правда ли, товарищи? Вы же не хотите, чтобы мы переутомились и были неспособны исполнять

наши обязанности? Ведь никто же из вас не хочет, чтобы Джонс вернулся?

Животные сейчас же успокоили его на этот счет, и толки о том, что свиньи спят в фермерских постелях, прекратились. И когда, несколько дней спустя, было объявлено, что свиньи отныне будут вставать по утрам на час позже, чем другие животные, жалоб по этому поводу тоже не было.

К осени животные чувствовали себя усталыми, но счастливыми. Год выдался тяжелый, и после продажи части сена и зерна запасы продовольствия на зиму были не слишком обильны, но мельница вознаграждала за все жертвы. После урожая наступила полоса ясной, сухой погоды, и животные трудились пуще прежнего, считая, что стоит таскаться целый день взад и вперед с кусками камня, если таким образом они могут возвести стены хотя бы еще на фут. Боксёр даже приходил по ночам и работал часок-другой один при свете полной осенней луны. В свободные минуты животные все ходили вокруг недостроенной мельницы, любясь прочностью и отвесностью ее стен и удивляясь, как это они могли построить нечто столь внушительное. Только старый Вениамин отказывался восторгаться мельницей, хотя, по обыкновению, не говорил ничего, если не считать загадочного замечания о долголетию ослов.

Наступил ноябрь, забушевали юго-западные ветры. Постройку пришлось приостановить, так как было слишком сыро для замешивания цемента. Наконец, в одну ночь ураган был так силен, что службы шатались до основания, и несколько черепиц было снесено с крыши сарая. Куры проснулись, кудахча от страха, потому что им всем разом приснилось что где-то вдали выстрелило ружье. Утром,

выйдя из своих стойл, животные нашли флагшток поваленным, а вяз в глубине сада был вырван с корнем, точно редиска. Только они успели заметить это, как из всех глоток вырвался крик отчаяния. Ужасное зрелище предстало их глазам: мельница лежала в развалинах.

Все разом бросились туда. Наполеон, который редко передвигался иначе как шагом, бежал впереди всех. Да, вот она, мельница, плод стольких усилий, сравненная с землей, вот кругом валяются камни, которые они с таким трудом ломали и перетаскивали. Не в состоянии сначала вымолвить ни слова, они стояли, печально глядя на груды обвалившихся камней. Наполеон молча похаживал, изредка нюхая землю. Его хвостик затвердел и ерзал из стороны в сторону, что было в нем признаком усиленной умственной деятельности. Вдруг он остановился, словно на что-то решившись.

— Товарищи, — сказал он спокойно, — вы знаете кто виноват в этом? Вы знаете врага, который явился ночью и разрушил нашу мельницу? СНЕЖОК! — завопил он громовым голосом. — СНЕЖОК сделал это! Из злобы, думая замедлить наши планы и отомстить за свое позорное изгнание, этот изменник прокрался сюда под покровом ночи и разрушил нашу почти годовую работу. Товарищи! тут же на месте выношу смертный приговор Снежку. Орден Скота-Героя второго класса и полмеры яблок любому животному, которое приведет приговор в исполнение. Мера яблок тому из вас, кто поймает его живьем!

Животные были невероятно потрясены, услышав, что кто-то, даже Снежок, мог быть повинен в таком поступке. Раздался крик возмущения, и все начали придумывать способы изловить Снежка, если он

когда-либо вернется. Почти сразу же в траве, неподалеку от пригорка, обнаружили свиные следы. Их видно было только на несколько шагов, но они как будто вели к дыре в изгороди. Наполеон принялся и объявил, что это следы Снежка. Он высказал мнение, что Снежок пришел, вероятно, со стороны Лисьего Заказа.

— Медлить нельзя, товарищи! — вскричал Наполеон после того как все осмотрели следы. — Нам предстоит работа. Сегодня же утром мы начнем отстраивать мельницу, и мы будем строить ее всю зиму, в дождь и в ведро. Мы научим этого презренного изменника, что нашу работу не так-то легко разрушить. Помните, товарищи, в наших планах не должно быть никаких изменений: они будут закончены день в день. Вперед, товарищи! Да здравствует мельница! Да здравствует Скотский Хутор!

ГЛАВА VII

Зима выдалась суровая. За бурями последовал снегопад, а потом грянули крепкие морозы, продолжавшиеся до февраля. Животные по мере сил продолжали отстройку мельницы, зная прекрасно, что внешний мир следит за ними и что завистливые люди будут радоваться и торжествовать, если мельница не будет достроена вовремя.

Лиди со злости делали вид, что не верят, будто Снежок разрушил мельницу: они говорили, что она обвалилась потому, что стены были слишком тонкие. Животные знали, что это неправда. Все же решено было строить стены толщиной в три фута, вместо прежних полутора, а это значило, что надо было собрать гораздо больше камня. В течение долгого времени каменоломня была завалена сугробами снега, и ничего нельзя было делать. Кое-что было сделано в сухую морозную погоду, которая наступила затем, но это был тяжкий труд, и животные уже не питали прежних надежд. Им всегда было холодно и почти всегда голодно. Только Боксёр и Кашка не отчаивались никогда. Фискал произносил великолепные речи о радости служения и достоинстве труда, но других животных больше воодушевляли сила Боксёра и его неизменный возглас: «Я буду трудиться еще пуще!».

В январе обнаружилась нехватка пищи. Паек зерна был резко сокращен, и было объявлено, что взамен будет произведена лишняя выдача картошки. Потом обнаружилось, что картофель по большей части померз в кучах, которые были недоста-

точно плотно прикрыты. Он размяк и обесцветился, и лишь небольшая часть его была съедобна. Целыми днями животные питались исключительно соломой и кормовой свеклой. Казалось, их неминуемо ждет голод.

Было совершенно необходимо скрыть это обстоятельство от внешнего мира. Ободренные обвалом мельницы, люди выдумывали всякую новую неправду о Скотском Хуторе. Снова был пущен слух, что животные дохнут от голода и эпидемий и что они все время воюют между собой и прибегают к канибализму и детоубийству. Наполеон хорошо сознавал, как скверны могут быть последствия, если правда о продовольственном положении станет известна, и решил использовать г-на Уимпера, чтобы распространять противоположные слухи. До сих пор животные почти не имели дела с Уимпером во время его еженедельных посещений. Теперь, однако, некоторым избранным животным, главным образом овцам, поручено было говорить, как бы между прочим, в его присутствии о том, что пайки увеличены. Кроме того, Наполеон распорядился, чтобы почти пустые ведра в амбаре были наполнены чуть не доверху песком, а поверх него положены остатки зерна и корма. Под каким-то благоприятным предлогом Уимпера провели через амбар, позволив ему взглянуть на ведра. Обманутый, он продолжал сообщать внешнему миру, что Скотский Хутор не испытывает недостатка в продовольствии.

Все же к концу января стало очевидно, что придется откуда-то доставать зерно. В те дни Наполеон редко показывался на народе, проводя все время в фермерском доме, каждая дверь которого охранялась свирепыми псами. Если он выходил, то делал это торжественно, сопровождаемый шестью

псами, которые окружали его плотным кольцом и рычали, когда кто-нибудь подходил слишком близко. Часто он не появлялся даже в воскресенье утром, а отдавал приказы через одну из других свиней, обыкновенно через Фискала.

В одно прекрасное воскресенье Фискал объявил, что куры, которые только что снова снеслись, должны сдать яйца: Наполеон через Уимпера подписал контракт на 400 яиц в неделю. Этих яиц будет достаточно, чтобы оплатить зерно и корм, необходимые для прокормления фермы до наступления лета и улучшения положения.

Услыхав об этом, куры подняли страшный скандал. Их предупреждали, что эта жертва может от них потребоваться, но они не поверили, что это взаправду произойдет. Они как раз готовились высиживать весенний выводок и заявили, что отнять у них сейчас яйца равносильно убийству. Впервые со времен изгнания Джонса произошло что-то вроде мятежа. Возглавляемые тремя молодками из породы Черных Минорок, куры сделали решительную попытку воспротивиться желаниям Наполеона. Они взлетали к стропилам и там клали яйца, которые разбивались при падении на пол. Наполеон предпринял быстрые и беспощадные меры. Он приказал приостановить куриный паек и объявил, что всякое животное, которое даст хотя бы зернышко курице, будет подлежать смертной казни. Собаки следили за выполнением этих приказов. Куры сопротивлялись пять дней, а затем сдались и вернулись класть яйца в свои ящики. Девять кур в промежутке около. Их похоронили в саду, объявив, что они сдохли от коккидоза. Уимпер ничего не узнал об этом деле, яйца заготавливались согласно условию, и фургон бакалейщика приезжал за ними раз в неделю.

Снежок между тем как в воду канул. Были слухи, что он скрывается на одной из соседних ферм: либо в Лисьем Заказе, либо в Скудополье. У Наполеона к этому времени улучшились немного отношения с другими фермерами. Случилось так, что во дворе имелся запас дерева, сложенного десять лет тому назад после расчистки буковой рощицы. Оно было хорошо выдержанное, и Уимпер посоветовал Наполеону продать его: и г-н Пилкингтон, и г-н Фридрих зарились на него. Наполеон колебался между ними и не мог решиться. Обратили внимание, что каждый раз, как он готов был заключить соглашение с Фридрихом, объявлялось, что Снежок скрывается в Лисьем Заказе, а когда он склонялся в пользу Пилкингтона, Снежок оказывался в Скудополье.

В начале весны вдруг обнаружилось грозное обстоятельство: Снежок по ночам тайком посещал ферму! Животные были так встревожены, что они едва могли спать у себя в стойлах. Говорили, что каждую ночь он приползает под покровом темноты и занимается всякого рода вредительством. Он воровал зерно, опрокидывал бидоны с молоком, разбивал яйца, вытаптывал грядки, сгрызал кору с фруктовых деревьев. Обычным стало всякие непорядки приписывать Снежку. Если окно бывало разбито или сточная труба закупорена, кто-нибудь непременно говорил, что Снежок побывал ночью и проделал это, а когда был потерян ключ от амбара, то вся ферма была убеждена, что Снежок бросил его в колодец. Как ни странно, они продолжали верить этому даже тогда, когда потерянный ключ был найден под мешком корма. Коровы заявили единогласно, что Снежок пробрался к ним в стойло и подоил их во сне.

Наполеон приказал произвести тщательное расследование о деятельности Снежка. В сопровождении собак он произвел доскональный обход фермы. Другие животные следовали сзади на почти-тельном расстоянии. Каждые несколько шагов Наполеон приостанавливался и обнюхивал землю в поисках следов Снежка, которые он, по его словам, мог обнаружить по запаху. Он перенюхал каждый уголок в сарае, в коровнике, в курятниках, в огороде и почти всюду находил следы Снежка. Прикладываясь пяточком к земле, он несколько раз глубоко втягивал в себя воздух и провозглашал злобным голосом: «Снежок! Он побывал здесь! Я чую его запах!», и при слове «Снежок» все собаки издавали рычание, от которого мороз пробежал по коже, и оскаливали клыки.

Животные были смертельно напуганы. Снежок представлялся им каким-то невидимым флюидом, проникавшим всюду и угрожавшим им всякого рода бедами. Вечером Фискал созвал их и с встревоженным лицом объявил, что имеет сообщить нечто важное.

— Товарищи! — вскричал он, нервно подскакивая, — обнаружилась ужасная вещь. Снежок продался Фридриху из Скудополья, который в этот самый момент замышляет напасть на нас и отнять нашу ферму! Снежок будет его проводником, когда нападение произойдет. Но есть кое-что и похуже. Мы думали, что причиной бунта Снежка были его тщеславие и честолубие. Но мы ошиблись, товарищи. Знаете, что было настоящей причиной? Снежок был в сговоре с Джонсом с самого начала. Все время он был тайным агентом Джонса. Все это доказывается документами, которые он оставил и которые только теперь обнаружены. По-моему, это

многое объясняет, товарищи. Разве мы сами не видели, как он пытался — к счастью, безуспешно — добиться нашего поражения и истребления в сражении при Коровнике?

Животные были ошеломлены. Это новое злодеяние Снежка превосходило разрушение мельницы. Но прошло несколько минут прежде, чем они могли как следует усвоить себе это. Они все помнили — или им казалось, что они помнят — как Снежок вел их в атаку в сражении при Коровнике, как он поддерживал их дух и ободрял их во всех перипетиях боя, и как он ни на секунду не остановился, когда был ранен в спину дробью из ружья Джонса. Сначала им было немного трудно понять, как увязать это с его поддержкой Джонса. Даже Боксёр, который редко задавал вопросы, был озадачен. Он лег, подобрал под себя передние копыта, закрыл глаза и с трудом выразил свою мысль.

— Я не верю этому, — сказал он. — Снежок храбро дрался в сражении при Коровнике. Я собственными глазами видел это. Разве мы не пожаловали ему орден Скота-Героя первого класса сразу же после этого?

— Это была наша ошибка, товарищ.

— Но он же был ранен, — сказал Боксёр. — Мы все видели, как он истекал кровью.

— Все это было подстроено! — воскликнул Фискал. — Выстрел Джонса только поцарапал его. Я бы мог показать вам все это написанное его рукой, если бы вы умели читать. Согласно плану, Снежок должен был в критический момент дать сигнал к бегству и оставить поле боя за неприятелем. И ему почти удалось это — я даже скажу, товарищи, что ему это бы и удалось, если бы не наш героический Вождь, товарищ Наполеон. Разве вы не пом-

ните, как в тот именно миг, когда Джонс и его люди проникли во двор, Снежок внезапно повернул и побежал, и многие животные последовали за ним? И разве вы не помните также, что как раз в тот момент, когда произошла паника и все казалось потерянным, товарищ Наполеон ринулся вперед с криком «Смерть Человечеству!» и вонзил зубы в ляжку Джонсу? Конечно же вы помните это, товарищи?! — воскликнул Фискал, приплясывая с боку на бок.

Теперь, после того как Фискал так красочно описал им эту сцену, животным показалось, что они помнят ее. По крайней мере они вспомнили, что в критическую минуту сражения Снежок повернул и побежал. Но Боксёр все еще недоумевал.

— Мне не верится, что Снежок был изменником с самого начала, — заговорил он, наконец. — То, что он сделал с тех пор — другое дело. Но я думаю, что в сражении при Коровнике он был добрым товарищем.

— Наш Вождь, товарищ Наполеон, — заявил Фискал, медленно и решительно выговаривая каждое слово — утверждает категорически — категорически, товарищ, — что Снежок был агентом Джонса с самого начала и еще задолго даже до того, как зародилась самая мысль о Восстании.

— А, это другое дело! — сказал Боксёр. — Если товарищ Наполеон так говорит, значит так оно и есть.

— Вот это правильный подход! — вскричал Фискал, но все заметили, как его маленькие глазки метнули злобный взгляд на Боксёра. Он повернулся, чтобы идти, потом приостановился и прибавил внушительно: «Предупреждаю всех животных на ферме, чтобы они держали глаза остро, ибо у нас

есть основания думать, что тайные агенты Снежка скрываются среди нас сейчас!».

Четыре дня спустя, после обеда, Наполеон приказал всем животным собраться во дворе. Когда все были в сборе, он прошествовал из фермерского дома с обоими своими орденами на груди (ибо недавно он сам себе пожаловал орден Скота-Героя первого класса и Скота-Героя второго класса); девять его огромных псов приплясывали вокруг, издавая рычание, от которого кровь холодела в жилах животных. Они все молча сбились в кучку, как будто предчувствуя, что сейчас случится что-то ужасное.

Наполеон стоял, строго оглядывая собравшихся; затем издал пронзительный взвизг. Тотчас же псы ринулись вперед, схватили четырех свиней и потащили их, визжащих от боли и ужаса, к ногам Наполеона. Из их ушей текла кровь. Собаки отведали крови и точно взбесились. К удивлению всех, три из них бросились на Боксёра. Тот увидел их приближение и, выставив вперед свое огромное копыто, подхватил одну собаку в воздухе и придавил ее к земле. Собака завопила о пощаде, а две других убежали, поджав хвосты. Боксёр глядел на Наполеона, как бы спрашивая, задавить ли ему собаку на смерть или отпустить ее. Наполеон изменился в лице и резко приказал Боксёру отпустить собаку, на что Боксёр поднял копыто, и пес, помятый, с завыванием уполз.

Понемногу шум стих. Четыре свиньи дрожали в ожиданьи — в каждой черте их физиономий была написана их вина. Наполеон предложил им повиниться в их преступлениях. Это были те самые четыре поросенка, которые протестовали, когда Наполеон отменил воскресные собрания. Без даль-

нейшего понукания они сознались, что состояли в тайных сношениях со Снежком со времени его изгнания, что сотрудничали с ним в разрушении мельницы и заключили с ним соглашение о передаче Скотского Хутора г-ну Фридриху. Они прибавили, что Снежок по секрету признался им, что был в течение многих лет тайным агентом Джонса. Когда они закончили свою исповедь, собаки тут же перервали им горло, а Наполеон страшным голосом спросил, не хочет ли еще кто-нибудь из животных в чем-нибудь сознаться.

Три курицы, которые были зачинщицами в попытке мятежа из-за яиц, выступили теперь вперед и заявили, что Снежок явился им во сне и подстрекал их не повиноваться приказам Наполеона. Их тоже прикончили. Потом выступил гусь и сознался, что он утаил шесть колосьев во время прошлогоднего урожая и съел их ночью. Затем одна овца созналась, что она помочилась в водопойный пруд — она сделала это, по ее словам, по наущению Снежка — а две другие овцы повинились в убийстве старого барана, особенно преданного сторонника Наполеона, которого они загнали на смерть, гоняя вокруг костра, когда у него был кашель. Их всех тут же казнили. Эти исповеди и казни продолжались до тех пор, пока у ног Наполеона не оказалась целая куча трупов, а воздух не стухнул от запаха крови. Ничего подобного не было видано со времени изгнания Джонса.

Когда все было кончено, оставшиеся животные, за исключением свиней и собак, тихонько удалились. Они были потрясены и несчастны. Они не знали, что ужаснуло их больше — предательство тех животных, которые стакнулись со Снежком, или же жестокое возмездие, свидетелями которо-

го они только что были. В старые времена часто бывали сцены столь же ужасного кровопролития, но теперешнее казалось им гораздо хуже, потому что они сами были замешаны. С тех пор как Джонс покинул ферму и до самого сегодняшнего дня ни одно животное не было убито другим животным. Даже ни одна крыса не была убита. Они прошли к пригорку, где стояла недостроенная мельница и все разом легли, как бы сбиваясь в кучку в поисках тепла: Кашка, Манька, Вениамин, коровы, овцы и стадо гусей и кур, словом все, кроме кошки, которая внезапно пропала как раз перед тем, как Наполеон приказал животным собраться. Некоторое время все молчали. Один Боксёр оставался на ногах. Он переминался с ноги на ногу, бил себя длинным черным хвостом по бокам и изредка издавал тихое удивленное ржанье. Наконец, он промолвил:

— Мне это непонятно. Я бы никогда не поверил, что такие вещи могут случаться у нас на ферме. Вина, должна быть, в нас самих. Выход, мне кажется, в том, чтобы трудиться еще пуще. Отныне я буду вставать по утрам на целый час раньше.

И он неуклюже зарысил в направлении каменоломни. Добравшись туда, он собрал две нагрузки камня и втащил их вверх к мельнице, прежде чем идти спать.

Животные молча сгруппировались вокруг Кашки. С пригорка, где они лежали, открывался широкий вид. Им была видна большая часть Скотского Хутора — длинное пастбище, тянувшееся до шоссе, луг, рощица, водопойный пруд, вспаханное поле, где густо зеленела молодая пшеница, и красные крыши построек, из труб которых курился дымок. Был ясный весенний вечер. Лучи заходящего солнца золотили траву и набухающие почками живые изго-

роди. Никогда еще ферма — и с некоторым удивлением они вспомнили, что это их собственная ферма, что каждая пядь ее принадлежит им — не казалась животным таким желанным местом. Глаза Кашки, смотревшей вниз с холма, наполнились слезами. Если бы она умела выразить свои мысли, она бы сказала, что не этого добивались они, когда несколько лет тому назад поставили себе задачей свержение человеческого рода. Не эти сцены ужаса и резни видели они перед собой в ту ночь, когда старый Майор впервые поднял их на Восстание. Если перед ней была в то время какая-нибудь картина будущего, то это была картина общества животных, свободных от голода и кнута, равных между собой, работающих каждое по своим способностям, причем сильные защищают слабых, как она защитила выводок осиротевших утят своей передней ногой в день речи Майора. Вместо того — она не знала почему — они дожили до такого времени, когда никто не смел высказываться, когда повсюду рыскали свирепые, рычащие псы, и когда приходилось смотреть, как разрывают на куски твоих товарищей после того, как они сознались в гнусных преступлениях. У нее не было и мысли о восстании или неповиновении. Она знала, что даже сейчас им живется лучше, чем во времена Джонса, и что главное дело — помешать возвращению людей. Что бы ни произошло, она останется лояльна, будет трудиться вовсю, будет исполнять приказы и принимать водительство Наполеона. Но все же не этого она и другие животные чаяли и не для этого трудились. Не для этого они строили мельницу и стояли под пулями Джонса. Таковы были ее мысли, хотя у нее и не было слов выразить их.

Наконец, чувствуя, что это как-то заменяет слова,

которых она не может найти, она запела «Скот английский». Другие, сидевшие вокруг нее животные, подхватили и пропели всю песню трижды.

Они как раз кончили петь в третий раз, когда к ним подошел, с таким видом как будто он имеет сообщить что-то важное, Фискал в сопровождении двух псов. Он объявил, что специальным декретом товарища Наполеона «Скот английский» отменен. Отныне запрещается петь эту песню.

Животные были ошеломлены.

— Почему?! — воскликнула Манька.

— В этой песне больше нет нужды, товарищ, — натянуто ответил Фискал. — «Скот английский» был песней Восстания. Но Восстание теперь завершено. Сегодняшняя казнь предателей была заключительным актом. И внешний и внутренний враг разбиты. В «Скоте английском» мы выразили наши чаяния будущего лучшего общественного устройства. Но это общественное устройство уже осуществлено. Ясно, что эта песня больше не имеет смысла.

Как они ни были перепуганы, некоторые животные, пожалуй, стали бы протестовать, но в это время овцы заблеяли свое обычное «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо»; это тянулось несколько минут и положило конец всякому обсуждению.

«Скот английский» перестали петь. На его место поэт Минимус сочинил другую песню, которая началась так:

Скотский хутор, Скотский хутор,
Никогда
Через меня
Не придет тебе беда!

и которую пели по воскресеньям утром после подъема флага. Но почему-то ни слова, ни мотив ее не казались животным идущими в сравнение со «Скотом английским».

ГЛАВА VIII

Несколько дней спустя, когда вызванное казнями чувство ужаса притупилось, некоторые из животных припомнили — или так им показалось — что Шестая Заповедь гласила: «Ни одно животное не должно убивать другое животное». И, хотя никто не заговаривал об этом при свиньях или собаках, все создавало впечатление, что недавняя резня не вяжется с этим. Кашка попросила Вениамина прочесть ей Шестую Заповедь, а когда Вениамин по обыкновению сказал, что отказывается мешаться в эти дела, она позвала Маньку. Та прочла ей заповедь. Она гласила: «Ни одно животное не должно убивать другое животное без причины». Как-то так случилось, что два последние слова ускользнули из памяти животных. Но теперь они убедились, что заповедь не была нарушена, ибо для убийства изменников, стакнувшихся со Снежкой, несомненно были хорошие основания.

Весь тот год животные трудились пуще прежнего. Постройка заново мельницы, со стенами вдвое толще прежнего, и окончание ее к сроку, плюс обычная работа на ферме, требовали огромного труда. Бывали минуты, когда животным казалось, что они работают дольше и питаются не лучше, чем при Джонсе. По воскресеньям утром Фискал, держа в ножке длинную полоску бумаги, прочитывал им ряд цифр, доказывавших, что производство всякого рода продуктов увеличилось на 200, а то и на 500 процентов. Животные не видели оснований не верить ему, тем более, что они не очень ясно уже

помнили, каковы были условия до Восстания. Все же бывали дни, когда они предпочли бы поменьше цифр и побольше корма.

Все приказы передавались теперь через Фискала или еще кого-нибудь из свиней. Наполеон показывался на народе не чаще раза в две недели. А когда показывался, то его сопровождали не только свита собак, но и черный петушок, который шагал впереди и исполнял роль трубача, испуская громкое «ку-ка-ре-ку», перед тем как Наполеон начинал говорить. Говорили, что даже в фермерском доме Наполеон занимает покои отдельные от других. Ел он в одиночестве, причем ему прислуживали две собаки, и всегда употреблял парадный сервиз, хранившийся в горке в гостиной. Было также объявлено, что салют из ружья будет производиться

ежегодно в день рождения Наполеона, помимо двух других годовщин.

Наполеона никогда не называли теперь просто «Наполеон». О нем говорили торжественно, как о «нашем Вожде, товарище Наполеоне», и свиньям нравилось придумывать для него такие титулы, как: Отец Всех Скотов, Ужас Человечества, Защитник Отары Овец, Друг Утят и т. п. В своих речах Фискал со слезами на глазах говорил о мудрости Наполеона, о его доброте, о глубокой любви, которую он питает к животным везде и всюду, и в особенности к несчастным животным, все еще прозябающим в невежестве и рабстве на других фермах. Стало обычным приписывать Наполеону все достижения и удачи. Часто можно было слышать, как одна курица говорила другой: «Под водительством нашего Вождя, товарища Наполеона, я снесла пять яиц в шесть дней»; или как две коровы на водопое восклицали: «Как вкусна эта вода, благодаря водительству товарища Наполеона!». Общее настроение на ферме было хорошо выражено в стихотворении, озаглавленном «Товарищ Наполеон», которое сочинил Минимум и которое гласило:

Сирот опекающий,
Нам радость вещающий,
Владыка корыта! Бушует и
пышет огонь
В душе, когда из твоих глаз,
Как солнце, сияет на нас
Спокойный и мудрый приказ,
Товарищ Наполеон!

Все блага нам даришь ты,
И все твои твари мы.
Набитое брюхо и с чистой соломой загон—
И скот, будь он муха иль кит,
В хлевах и курятниках спит,
А глаз твой всевидящий бдит,
Товарищ Наполеон!

И мой поросенок,
Пока он ребенок
И мал как наперсточек или
 невинный бутон,
Уже хорошо будет знать,
Как верность тебе соблюдать
И слабо пища лепетать:
«Товарищ Наполеон!».

Наполеон одобрил это стихотворение и велел начертать его на стене большого сарая, с другой стороны от Семи Заповедей. Над ним был помещен портрет Наполеона в профиль, который Фискал написал белой краской.

Между тем Наполеон при посредничестве Уимпера занимался сложными переговорами с Фридрихом и Пилкингтоном. Дерево все еще не было продано. Из них двоих Фридрих больше зарился на него, но не предлагал сходной цены. Одновременно возобновились слухи, что Фридрих и его люди замышляют напасть на Скотский Хутор и разрушить мельницу, постройка которой возбудила в них жгучую ревность. Относительно Снежка было известно, что он все еще укрывается в Скудополье. В середине лета животные с тревогой узнали, что три курицы принесли повинную в том, что, наущенные Снежком, они вступили в заговор, имевший

целью убийство Наполеона. Их немедленно же казнили, и были приняты новые меры охраны Наполеона. Четыре пса сторожили по ночам у его постели, по одному у каждого угла, а молодому поросенку по имени Красноглаз было поручено отведывать наперед всю его пищу на случай отравления.

Около этого же времени было объявлено, что Наполеон договорился с г-ном Пилкингтоном о продаже дерева; он собирался также заключить постоянное соглашение об обмене некоторыми продуктами между Скотским Хутором и Лисьим Заказом. Отношения между Наполеоном и Пилкингтоном, хотя они и велись исключительно через Уимпера, были теперь почти дружественные. Животные не доверяли Пилкингтону, поскольку он был человек, но предпочитали его Фридриху, которого они и боялись, и ненавидели. По мере того, как проходило лето и близилась к концу постройка мельницы, усилились слухи о предстоящем предательском нападении. Говорилось, что Фридрих намерен вторгнуться с двадцатью вооруженными ружьями людьми и что он уже подкупил судей и полицию, чтобы, в случае если ему удастся захватить купчую на Скотский Хутор, они ни о чем его не спрашивали. Больше того, из Скудополья доходили жуткие рассказы о зверствах Фридриха над животными. Он избил до смерти одну старую лошадь, морил голодом коров, убил одну собаку, бросив ее в топку, забавлялся по вечерам петушиными боями, причем привязывал петухам к шпорам осколки бритвенных лезвий. У животных кровь вскипала от бешенства, когда они слышали о таком обращении с их товарищами, и иногда они требовали, чтобы им разрешили всем скопом напасть на Скудополье, выгнать оттуда людей и освободить животных. Но

Фискал советовал им не быть опрометчивыми и полагаться на стратегию товарища Наполеона.

Все же озлобление против Фридриха продолжалось. Однажды в воскресенье утром Наполеон появился в сарае и объяснил, что он вовсе не собирался продавать дерево Фридриху: он считает ниже своего достоинства, сказал он, иметь дело с подобными негодьями. Голубям, которых все еще высылали распространять вести о Восстании, запретили приземляться где-либо в Лисьем Заказе. Им было также приказано заменить прежний лозунг «Смерть Человеку» лозунгом «Смерть Фридриху». К концу лета была разоблачена еще одна из махинаций Снежка. Пшеница кишела сорными травами, и было обнаружено, что во время одного из своих ночных визитов Снежок примешал сорных семян к семенам пшеницы. Один гусак, который знал об этом замысле, признался Фискалу в своей вине и тут же покончил самоубийством, проглотив ягоду белладонны. В связи с этим животные узнали также, что Снежок никогда не получал, как многие из них до тех пор думали, ордена Скота-Героя первого класса. Это была просто легенда, распространенная вскоре после сражения при Коровнике самим Снежком. Он не только не был награжден, но и получил разнос за свою трусость в сражении. Опять некоторые из животных выслушали все это не без недоумения, но Фискал быстро сумел убедить их, что память изменяет им.

Осенью, ценой огромного, изнурительного труда — ибо урожай приходилось убирать почти одновременно — мельница была достроена. Машины еще надо было установить и Уимпер вел переговоры о покупке их, но самое здание было готово. Наперекор всем трудностям, несмотря на неопытность, на

невезение и на предательство Снежка, работа была закончена ровно день в день! Измученные, но гордые, животные похаживали вокруг своего шедевра, который казался им прекраснее, чем в первый раз. К тому же стены были вдвое толще прежнего. Только динамит мог их разрушить на этот раз! И когда они думали о том, как они трудились, какие неудачи они преодолели, а также о том, какую разницу это составит в их жизни, когда крылья начнут вертеться и динамо загудит — когда они думали обо всем этом, они забывали усталость и принимались радостно скакать вокруг мельницы, испуская торжествующие крики. Сам Наполеон, в сопровождении своих псов и петушка, явился осмотреть законченную работу. Он лично поздравил животных с их успехом и объявил, что мельница будет называться мельницей имени Наполеона.

Два дня спустя животных созвали на экстренное собрание в сарае. Они остоленели от удивления, когда Наполеон объявил, что он продал запас дерева Фридриху. Завтра приедут телеги Фридриха и начнут увозить дерево. В течение всего периода видимой дружбы с Пилкингтоном Наполеон на самом деле был в тайном сговоре с Фридрихом.

Все сношения с Лисьим Заказом были прерваны, Пилкингтону были отправлены оскорбительные депеши. Голубям велели избегать Скудополя и заменить лозунг «Смерть Фридриху» лозунгом «Смерть Пилкингтону». В то же самое время Наполеон заверил животных, что толки о предстоящем нападении на Скотский Хутор — сплошная выдумка и что сообщения о жестоком обращении Фридриха со своими животными сильно преувеличены. Все эти слухи, вероятно, исходили от Снежка и его агентов. Оказалось, что Снежок и не думал скрываться

в Скудополье и даже никогда там не бывал: он проживал — в изрядной роскоши, говорили — в Лисьем Заказе и вот уже много лет состоял на пенсии у Пилкингтона.

Свиньи были в восторге от хитрости Наполеона. Прикинувшись другом Пилкингтона, он вынудил Фридриха поднять цену на двенадцать фунтов. Но умственное превосходство Наполеона, по словам Фискала, сказывалось в том, что он не доверял никому, даже и Фридриху. Фридрих хотел заплатить за дерево тем, что называется «чек» — кажется, это была бумажка с написанным на ней обещанием уплатить. Но Наполеон был не так-то глуп. Он потребовал платежа настоящими пятифунтовыми бумажками, которые должны были быть вручены ему до сдачи дерева. Фридрих уже уплатил и уплаченной им суммы было как раз довольно на покупку машин для мельницы.

Между тем дерево было поспешно увезено. После этого в сарае состоялось новое экстренное собрание, чтобы животные могли поглядеть на фридриховские банкноты. Блаженно улыбаясь, украшенный обоими своими орденами, Наполеон возлежал на помосте на ложе из соломы; рядом были сложены аккуратной кучкой, на фарфоровом блюде из фермерского дома, деньги. Животные медленно дефилировали, досыта глаза на них. А Боксёр, вытянув морду, понюхал банкноты, и от его дыхания тонкие белые бумажки затрепетали и зашуршали.

Через три дня поднялась невероятная суматоха. Уимпер, бледный как смерть, прикатил по дорожке на велосипеде, кинул его во дворе и стремительно вбежал в дом. Через секунду из покоев Наполеона послышался сдавленный рев бешенства. Весть о том, что произошло, облетела ферму с быстротой

лесного пожара. Банкноты были поддельные! Фридрих получил дерево даром!

Наполеон немедленно созвал животных и зловещим голосом вынес смертный приговор Фридриху. Когда его поймают, заявил он, Фридрих будет сварен живьем. Одновременно он предостерег их, что после такого вероломного поступка можно ожидать самого худшего. Фридрих и его сподручные могут в любой момент произвести давно ожидаемое нападение. На всех подступах к ферме расставлены часовые. Кроме того, в Лисий Заказ посланы четыре голубя с примирительной нотой, которая, надо надеяться, поможет восстановить хорошие отношения с Пилкингтоном.

Нападение произошло на следующее же утро. Животные ели утренний завтрак, когда примчались дозорные с известием, что Фридрих и его сторонники уже вошли в околицу. Животные довольно храбро выступили навстречу им, но на этот раз победа далась им не так легко, как в сражении при Коровнике. Людей было пятнадцать, у них было полдюжины ружей, и они открыли огонь, как только приблизились на двадцать саженей. Животные не могли устоять против страшных взрывов и жгучей картечи, и, несмотря на все усилия Наполеона и Боксёра удержать их, они были вскоре отогнаны. Многие из них были ранены. Они укрылись в службах и осторожно выглядывали из щелей и отверстий. Все большое пастбище, включая мельницу, было в руках неприятеля. На мгновение даже Наполеон как будто растерялся. Он безмолвно расхаживал взад и вперед, хвостик его стал твердым и вздрагивал. Тоскливые взоры обращались в сторону Лисьего Заказа. Если Пилкингтон и его люди им помогут, не все еще потеряно. Но в этот

момент высланные накануне четыре голубя возвратились. Один из них нес записочку от Пилкингтона. На ней карандашом было нацарапано: «Так вам и надо».

Между тем Фридрих и его люди остановились у мельницы. Животные следили за ними, и по их рядам разнесся испуганный шепот. В руках у двоих из людей появились лом и молот. Они собирались снести мельницу.

— Это невозможно! — вскричал Наполеон. — Построенные нами стены слишком толсты. Им не снести ее и в неделю. Смелее, товарищи!

Но Вениамин пристально наблюдал за движениями людей. Двое с ломом и молотом бурили отверстие у подножья мельницы. Медленно, с таким выражением, точно это чуть ли не забавляло его, Вениамин закивал длинной мордой.

— Так я и думал, — сказал он. — Разве вы не видите, что они делают, — через секунду они забьют это отверстие динамитом.

Животные ждали в ужасе. Рисковать им выйти из укрытия уже нельзя было. Несколько минут спустя они увидели, как люди разбегаются во все стороны. Потом послышался оглушительный грохот. Голуби взвились в воздух, а все животные, кроме Наполеона, легли ничком, уткнувшись мордой в землю. Когда они поднялись, огромное облако черного дыма висело там, где раньше стояла мельница. Ветерок медленно разогнал его: мельницы больше не было!

Это зрелище возвратило животным их мужество. Страх и отчаяние, которые они чувствовали за минуту до того, были заглушены негодованием на этот гнусный, презренный поступок. Мощный клич мести вырвался у них из груди, и, не дожидаясь

дальнейших приказов, они гурьбой ринулись вперед и понеслись прямо на врага. На этот раз они не замечали жестокой картечи, которая градом сыпалась на них. Это был дикий ожесточенный бой. Люди стреляли неустанно, а когда животные приблизились, пустили в ход палки и тяжелые сапоги. Одна корова, три овцы и два гуся были убиты, и почти все были ранены. Даже у Наполеона, который руководил операциями из тыла, кончик хвостика был перебит пулей. Но и люди понесли потери. У троих головы были проломлены ударами копыт Боксёра; одному корова прободала живот, а еще одному Милка и Белка чуть не содрали штаны. А когда девять псов из личной охраны Наполеона, которым он приказал произвести обходное движение под прикрытием изгороди, внезапно появились на фланге у людей, последних охватила паника. Они увидели, что им грозит окружение. Фридрих приказал своим людям отступать, пока не поздно, и в следующее мгновение трусливый неприятель пустился в бегство. Животные преследовали его до самого конца поля и наградили напоследок несколькими пинками, пока люди пробирались через терновую изгородь.

Животные одержали победу, но были измучены и истекали кровью. Медленно захромали они назад на ферму. Вид убитых товарищей, растянувшихся на траве, вызвал у некоторых из них слезы. В печальном молчании стояли они на том месте, где когда-то возвышалась мельница. Да, мельницы не было; их труд сгинул почти бесследно! Даже фундамент был частью разрушен. При отстройке им уже не удастся, как прежде, использовать обвалившиеся камни: камней тоже не осталось — силой

взрыва их раскидало на сотни сажень. Мельницы как будто бы никогда и не существовало.

Когда они подходили к ферме, навстречу им выбежал вприпрыжку, подпрыгивая хвостиком и сияя от удовольствия, Фискал, который как-то необъяснимо отсутствовал во время сражения. И животные слышали со стороны служб торжественный раскат ружейного выстрела.

— Отчего эта пальба? — спросил Боксёр.

— В честь нашей победы! — воскликнул Фискал.

— Какой победы? — спросил Боксёр. Из коленей у него текла кровь, он потерял одну подкову, копыто его было рассечено, а в задней ноге засело двенадцать дробинок.

— Как какой победы, товарищ? Разве мы не выгнали неприятеля с нашей территории, со священной земли Скотского Хутора?

— Но они же разрушили нашу мельницу. А мы трудились над ней два года!

— Что ж такого? Мы построим другую. Мы построим шесть мельниц, если нам будет угодно. Ты не ценишь, товарищ, подвига, который мы совершили. Неприятель занимал ту территорию, на которой мы находимся. А теперь, благодаря водительству товарища Наполеона, мы отвоевали каждую пядь ее.

— Значит, мы отвоевали то, что было нашим, — сказал Боксёр.

— В этом и заключается наша победа, — ответил Фискал.

Прихрамывая, они вошли во двор. От дробинок под кожей нога у Боксёра мучительно болела. Он видел впереди тяжелый труд по отстраиванию заново мельницы с самого основания и мысленно уже готовился к этой задаче. Но впервые у него

мелькнула мысль, что ему уже одиннадцать лет и что крепкие мышцы его, пожалуй, уж не те, что прежде.

Но когда животные увидели развевающимся зеленый флаг и услышали снова стрельбу — всего было дано семь выстрелов — а также речь, которую произнес Наполеон и в которой он воздал им хвалу за их поведение, они подумали, что и на самом деле, пожалуй, одержали великую победу. Убитых в сражении животных торжественно похоронили. Боксёр и Кашка тащили телегу, которая служила катафалком, а сам Наполеон шел во главе процессии. Целых два дня ушло на празднование. Пели песни, говорили речи, стреляли снова из ружья, и каждому животному было выдано в виде особой награды по два яблока, птицам же по 56 граммов корма, а собакам по три сухаря. Было объявлено, что сражение будет носить название сражения при Мельнице, и что Наполеон учредил новую награду, орден Зеленого Знамени, который он пожаловал самому себе. Среди общей радости злополучное дело с банкнотами было забыто.

Несколько дней спустя свиньи наткнулись в погребе фермерского дома на ящик с виски. Его не заметили, когда дом впервые был занят. В эту ночь со стороны дома слышалось громкое пение, в котором, ко всеобщему изумлению, можно было различить и напев «Скота английского». Около половины десятого видели, как Наполеон в старом котелке фермера Джонса показался с черного хода, прогалопировал вокруг двора и снова скрылся в доме. Но на утро в доме царила глубокая тишина. Свиней как будто и не было в помине. Было уже почти девять часов, когда появился Фискал: он шел медленно и уныло, взгляд у него был тусклый, хвостик

вяло висел сзади. Весь вид его как бы говорил, что он серьезно болен. Он созвал животных и заявил, что имеет сообщить им ужасную новость: товарищ Наполеон находится при смерти!

Послышались горестные возгласы. Перед дверью фермерского дома была положена солома, и животные ходили на цыпочках. Со слезами на глазах они спрашивали друг друга, что они будут делать, если лишатся Вождя. Прошел слух, что Снежку удалось в конце концов подсыпать яду в корм Наполеона. В 11 часов Фискал явился сделать новое сообщение. В качестве своего последнего акта на земле Наполеон издал торжественный указ: потребление спиртных напитков будет караться смертью.

К вечеру, впрочем, Наполеону стало как будто немного лучше, а на следующее утро Фискал сообщил им, что он на пути к выздоровлению. К вечеру того же дня Наполеон вернулся к работе, а на следующий день стало известно, что он приказал Уимперу купить в Виллингдоне несколько брошюр о пивоварении и виноделии. Через неделю Наполеон издал приказ о том, чтобы лужок за фруктовым садом, который первоначально предполагалось отвести под пастбище для нетрудоспособных животных, был вспахан. Было объявлено, что почва там истощена и нуждается в пересеве. Но вскоре стало известно, что Наполеон намерен засеять лужок ячменем.

Около этого времени произошел странный случай, которого почти никто не мог понять. Однажды в полночь во дворе послышался грохот, и животные выбежали из стойл. Ночь была лунная. У стены большого сарая, на которой были написаны Семь Заповедей, валялась сломанная надвое лесенка. Рядом, растянувшись, лежал потерявший соз-

нение Фискал, а поблизости валялись фонарь, кисть и опрокинутая банка с краской. Псы немедленно оцепили Фискала и, как только он был в состоянии двигаться, отвели его назад в дом.

Но несколько дней спустя Манька, пересчитывая про себя Семь Заповедей, заметила, что есть еще одна, которую животные неправильно запомнили. Им казалось, что Пятая Заповедь гласит: «Ни одно животное не должно пить спиртного», но там были еще два слова, которые они забыли. На самом деле заповедь гласила: «Ни одно животное не должно пить спиртного через меру».

ГЛАВА IX

Рассеченное копыто Боксёра долго не заживало. Мельницу начали отстраивать заново на другой же день после окончания празднования победы. Боксёр отказался пропустить хотя бы один день и не показывал и виду, что у него болит нога. По вечерам он по секрету признавался Кашке, что копыто причиняет ему большие неприятности. Кашка делала ему припарки из нажеванных трав, и оба они с Вениамином убеждали его работать поменьше. «Лошадиные легкие не вечны», — говорила она. Но Боксёр не хотел и слушать. У него, говорил он, осталась одна настоящая цель в жизни — увидеть мельницу на пути к отстройке прежде, чем он достигнет предельного возраста.

В начале, когда законы Скотского Хутора были впервые формулированы, предельный возраст был установлен для лошадей и свиней в 12 лет, для коров — в 14, для собак — в 9, для овец — в 7, а для кур и гусей — в пять. Всем полагались щедрые пенсии на старость. Фактически ни одно животное пока не получило отставки с пенсией, но в последнее время вопрос этот все чаще и чаще обсуждался. С тех пор как лужок за фруктовым садом был отведен под ячмень, ходили слухи, что уголок большого луга будет отгорожен и превращен в пастбище для вышедших в отставку животных. Говорили, что лошадь будет получать пенсию в размере пяти фунтов зерна в день, а зимой 15 фунтов сена, с придачей морковки, а то и яблока, по праздни-

кам. Боксёру должно было исполниться 12 лет в конце следующего лета.

Жилось тем временем тяжело. Зима выдалась такая же холодная, как и в прошлом году, а еды было даже меньше. Снова все пайки были сокращены, за исключением свиных и собачьих. Слишком строгое уравнивание пайков, объяснил Фискал, противоречило бы принципам скотизма. Во всяком случае ему не трудно было доказать другим животным, что на самом деле — что бы они ни думали — у них не было недостатка в продовольствии. Временно, правда, оказалось необходимым произвести выравнивание пайков (Фискал всегда называл это «выравниванием», а не «сокращением»), но, по сравнению с временами Джонса, улучшение было огромно. Прочитывая цифры резким, торопливым голосом, он доказывал им, что у них сейчас больше овса, больше сена, больше репы, чем при Джонсе, что они работают меньше часов, что питьевая вода у них лучшего качества, что они живут дольше, что больший процент детей выживает, что у них больше соломы в стойлах и они меньше страдают от блох. Животные верили каждому слову его. По правде сказать, Джонс и все, что он собой представлял, улетучилось у них из памяти. Они знали, что жизнь их теперь скудная и суровая, что они часто голодают и холодают и что обычно, если они не спят, то работают. Но несомненно в старые времена было еще хуже. Они были рады этому верить. Кроме того, тогда они были рабами, а теперь они свободны, и это составляло огромную разницу, что Фискал и не упускал случая отметить.

Теперь приходилось кормить гораздо большее количество ртов. Осенью все четыре свиньи-матки родили почти одновременно, произведя на свет

тридцать одного поросенка. Поросята были пегие, и, так как Наполеон был единственным хряком на ферме, то можно было догадаться, кто был их отцом. Было объявлено, что впоследствии, когда будут закуплены дерево и кирпич, в саду построят школу. Пока же поросят учил сам Наполеон на фермерской кухне. Они занимались спортом в саду, и их не поощряли играть с другими маленькими животными. Около этого же времени было издано правило, что, когда свинья и какое-нибудь другое животное встречаются на дорожке, другое животное должно уступать дорогу, а также, что свиньи всех разрядов получают привилегию носить по воскресеньям зеленые ленточки на хвостиках.

Год выдался довольно удачный для фермы, но денег все еще не хватало. Надо было закупить кирпич, песок и известку для школы, а также снова копить деньги на машины для мельницы. Кроме того, для дома нужны были керосин, свечи и сахар для собственного стола Наполеона (другим свиньям он запрещал его под тем предлогом, что они от этого жиреют), а также обычное пополнение запасов орудий, гвоздей, шпагата, угля, проволоки, железного лома и собачьих сухарей. Стог сена и часть урожая картофеля были проданы, а контракт на яйца увеличен до шестисот в неделю, так что в этом году куры едва могли высидеть достаточно цыплят, чтобы поддержать их число на прежнем уровне. Пайки, уже сокращенные в декабре, были снова уменьшены в феврале, и запрещено было пользоваться керосином для фонарей в стойлах. Но свиньям жилось как будто вполне привольно, и они даже прибавляли в весе. Однажды после обеда в конце февраля теплый, густой, аппетитный запах, какого животные никогда не знали раньше, донес-

ся из маленькой пивоварни, находившейся за кухней в другом конце двора и стоявшей во времена Джонса без употребления. Кто-то сказал, что это запах варящегося ячменя. Животные жадно принюхивались, спрашивая себя, не для их ли ужина готовится это теплое варево. Но никакого теплового варева им не дали, а в следующее воскресенье было объявлено, что отныне весь ячмень будет идти свиньям. Лужок за фруктовым садом уже был засеян под ячмень. Вскоре обнаружилось, что все свиньи получают теперь ежедневную выдачу пива в размере одной пинты, а сам Наполеон — пол-галлона, которые подаются ему в парадной миске.

Но если и приходилось терпеть лишения, то они частично искупались тем, что в жизни животных было теперь больше достоинства, чем прежде. Было больше песен, больше речей, больше процессий. Наполеон распорядился, чтобы раз в неделю происходила т. н. «Добровольная Демонстрация», целью которой было поминовение борений и успехов Скотского Хутора. В назначенное время животные бросали работу и в строевом порядке обходили ферму, причем свиньи шли во главе, за ними следовали лошади, затем коровы, затем овцы, а затем домашняя птица. Собаки шли по бокам, а впереди всех выступал черный петушок Наполеона. Боксёр и Кашка несли зеленое знамя с нарисованными на нем копытом и рогом и надписью: «Да здравствует товарищ Наполеон!». Потом декламировались стихи, сочиненные в честь Наполеона, а Фискал произносил речь, в которой сообщал новейшие данные о росте производства. Иногда палили из ружья. Овцы были самыми рьяными энтузиастами Добровольной Демонстрации, и если кто-нибудь жаловался (что случалось, когда налицо не было ни свиней, ни со-

бак), что это пустая трата времени, требующая долгого стояния на холоде, то овцы неизменно заглушали жалующихся мощным блеянием: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!». Но в общем животные любили эти торжества. Им отрадно было напоминание о том, что, наконец-то, они сами себе господа и что работа, которую они исполняют, идет им на благо. Песни, процессии, ряды цифр, оглашаемых Фискалом, грохот стрельбы, кукареканье петушка и колыхание знамени помогали им забывать, что в брюхе у них иногда бывает пусто.

В апреле Скотский Хутор был провозглашен республикой, и нужно было выбрать президента. Имелся всего один кандидат — Наполеон, который и был избран единогласно. В тот же день было объявлено о находке новых документов, содержащих дальнейшие подробности сообщничества Снежка с Джонсом. Выходило, что Снежок не только, как думали раньше животные, пытался при помощи хитрости проиграть сражение при Коровнике, но и открыто сражался на стороне Джонса. Именно он был настоящим предводителем человеческих сил и бросился в бой с криком «Да здравствует Человечество!». Раны на спине Снежка, которые некоторые животные все еще помнили, были причинены зубами Наполеона.

Когда копыто его зажило, Боксёр принялся работать еще усерднее. Да и все животные работали в тот год как невольники. Помимо обычной работы по ферме и перестройке мельницы, нужно было еще строить начатую в марте школу для поросят. Порой трудно было выдерживать долгие часы при недостаточном питании, но Боксёр никогда не падал духом. Ни словом, ни делом не показывал он, что силы его уже не прежние. Только наружность его

немного изменилась: шерсть не так лоснилась как раньше, а бедра как будто впали. Другие говорили: «Боксёр поправится, когда выглянет весенняя травка». Но весна наступила, а Боксёр не толстел. Иногда, когда на склоне, ведущем к каменоломне, он напрягал мускулы под тяжестью огромного валуна, казалось, что он держится на ногах только благодаря настойчивой воле. В такие минуты по губам его можно было прочесть слова: «Я буду трудиться еще пуще» — голоса у него уже не хватало. Кашка и Вениамин опять советовали ему беречь свое здоровье, но Боксёр не обращал на это никакого внимания. Ему было все равно что случится — лишь бы набрать хороший запас камня, прежде чем уйти на покой.

Однажды летом, поздно вечером, внезапно разнесся слух, что с Боксёром что-то случилось. Он пошел один натаскать камня к мельнице. Слух оказался верным. Через несколько минут примчались два голубя с известием: «Боксёр упал! Он лежит на боку и не может подняться!».

Чуть не половина животных бросилась к пригорку, где стояла мельница. Боксёр лежал между оглоблями телеги, вытянув шею, не в состоянии даже поднять голову. Глаза его остеклянели, бока лоснились от пота. Струйка крови текла изо рта. Кашка опустилась возле него на колени.

— Боксёр! Что с тобой? — вскричала она.

— Легкое, — сказал Боксёр слабым голосом. — Ничего. Я думаю, вы можете достроить мельницу без меня. Камня собрано уже порядочно. Во всяком случае мне оставался всего месяц. Правду говоря, я с удовольствием думаю об отставке. И так как Вениамин тоже становится стар, может быть,

ему позволят выйти в отставку одновременно, чтобы мне не было скучно.

— Надо сейчас же достать помощь, — сказала Кашка. — Пусть кто-нибудь сбегает и расскажет Фискалу, что случилось.

Все другие животные тотчас же понеслись назад на ферму сообщить новость. Остались только Кашка и Вениамин. Последний лег рядом с Боксёром и молча стал отгонять мух своим длинным хвостом. Примерно через четверть часа явился Фискал, озабоченный и полный сочувствия. Он заявил, что товарищ Наполеон с глубочайшим прискорбием выслушал весть о несчастье, постигшем одного из самых преданных работников на ферме, и уже принимает меры к отправке Боксёра для лечения в больницу в Виллингдоне. Животные при этом ощутили некоторое беспокойство. Кроме Молли и Снежка, никто из них никогда не покидал фермы, и им было неприятно думать, что их больной товарищ будет в руках людей. Однако Фискал без труда убедил их, что ветеринар в Виллингдоне может успешнее лечить Боксёра, чем они на ферме. И полчаса спустя, когда Боксёр несколько оправился, его кое-как поставили на ноги, и, прихрамывая, он добрался до своего стойла, где Кашка и Вениамин уже приготовили ему удобное ложе из соломы.

Два следующих дня Боксёр провел у себя в стойле. Свиньи прислали большую бутылку розового лекарства, которую они нашли в аптечке в ванной и Кашка два раза в день после еды давала его Боксёру. По вечерам она лежала у него в стойле и говорила с ним, а Вениамин отгонял мух. Боксёр уверял, что не жалеет о том, что случилось. Если он вполне выздоровеет, он может прожить еще три

года, и он с удовольствием думает о мирных днях, которые будет проводить в углу большого пастбища. Впервые в жизни у него будет досуг, чтобы учиться и совершенствовать свой ум. Он намерен, говорил он, посвятить остаток жизни изучению остальных букв алфавита.

Но Вениамин и Кашка могли сидеть с Боксёром только после окончания рабочего дня, а фургон приехал за ним среди дня. Все животные были на работе по выпалыванию сорных трав в реповом поле под надзором одной свиньи, когда они с удивлением увидели Вениамина, который несся галопом со стороны служб и кричал во весь голос. В первый раз видели они Вениамина таким взволнованным — да и в первый раз кто-либо видел его несущимся вскачь.

— Скорей, скорей! — кричал он. — Сюда сейчас же! Боксёра увозят!

Не дожидаясь приказаний свиньи, животные побросали работу и пустились к службам. В самом деле, во дворе стоял крытый фургон, запряженный двумя лошадьми. На одной стороне его была надпись, а на козлах восседал хитрого вида человек в низком котелке. Стоило Боксёра было пусто.

Животные столпились вокруг фургона. «До свиданья, Боксёр!» — хором кричали они. «До свиданья!».

— Болваны! Дурачье! — воскликнул Вениамин, прыгая вокруг и топоча копытцами. — Дураки! — разве вы не видите, что написано сбоку фургона?

Животные примолкли. Манька начала разбирать по складам слова. Вениамин отпихнул ее и посреди мертвого молчания прочитал вслух:

«Альфред Симмондс, живодер и клеевар, Виллингдон. Торговля шкурами и костяной мукой. Поставка на псарни».

Крик ужаса вырвался у всех животных. В этот момент человек на козлах хлестнул лошадей, и фургон бойкой рысцой тронулся со двора. Все животные последовали за ним, крича во весь голос. Кашка пробилась вперед. Фургон покатил быстрее. Кашка попробовала перевести свои толстые ноги в галоп, но у нее вышел только кентер.

— Боксёр! — кричала она. — Боксёр! Боксёр! Боксёр!

Как раз в это мгновение морда Боксёра с белой полоской вдоль носа показалась у заднего окошечка фургона, точно он слышал стоявший кругом гам.

— Боксёр! — кричала Кашка страшным голосом. — Боксёр! Выбирайся! Выбирайся поскорее! Тебя везут на убой!

Все животные подхватили крик: «Выбирайся, Боксёр, выбирайся!» Но фургон быстро ускорял ход и катил прочь. Было неясно, понял ли Боксёр, что говорила ему Кашка. Но мгновение спустя морда его скрылась из окошка, и послышался оглушительный грохот копыт внутри фургона. Боксёр старался выбиться из него. Было время, когда двух-трех ударов копыт Боксёра было бы достаточно, чтобы разбить фургон в щепы. Но увы! силы его были не те, и через несколько секунд грохот копыт стал затихать и замер. В отчаянии животные стали взывать к двум лошадям, везшим фургон, прося их остановиться.

— Товарищи, товарищи! — кричали они. — Не увозите вашего брата на смерть!

Но глупые скотины, слишком невежественные, чтобы понимать, что происходит, только заложили уши и ускорили шаг. Боксёр больше не появлялся у окошечка. Кому-то пришла в голову запоздалая мысль побежать вперед и затворить околицу, но

еще мгновение и фургон уже выехал из нее и стал быстро удаляться по шоссе. Боксёра больше не видели.

Три дня спустя было объявлено, что он скончался в больнице в Виллингдоне, несмотря на самый лучший уход. Фискал пришел сообщить эту новость остальным животным. По его словам, он присутствовал при последних минутах Боксёра.

— Это было самое умилительное зрелище, какое я когда-либо видел! — сказал он, приподнимая ножку и утирая слезу. — Я был при нем до самого конца. И перед смертью, когда он уже едва мог говорить от слабости, он прошептал мне на ухо, что сожалеет о том, что умирает до того, как построена мельница.

— «Вперед, товарищи!» — прошептал он. «Вперед во имя Восстания. Да здравствует Скотский Хутор! Да здравствует товарищ Наполеон! Наполеон всегда прав!» — Это были его последние слова, товарищи.

Тут Фискал внезапно переменял повадку. Он замолк на мгновение, а глазки его метнули подозрительные взгляды из стороны в сторону прежде, чем он продолжал.

До его сведения дошло, сказал он, что когда Боксёра увозили, распространился нелепый и злостный слух. Некоторые животные заметили, что на фургоне, который увез Боксёра, было написано «Живодер», и сделали из этого вывод, что Боксёра увозят на убой. Трудно поверить, сказал Фискал, чтобы кто-либо из животных мог быть так глуп. Ведь они же слишком хорошо знают, возмущенно воскликнул он, подпрыгивая хвостиком и перепрыгивая с боку на бок, своего любимого вождя, товарища Наполеона! Объяснение этому очень простое. Фур-

гон раньше принадлежал живодеру и был куплен у него ветеринаром, который не успел еще замазать старую надпись. Отсюда и ошибка.

Животные с громадным облегчением выслушали его. А когда Фискал пустился в красочное описание подробностей кончины Боксёра, великолепного ухода за ним и дорогих лекарств, за которые Наполеон заплатил, не думая об их стоимости, последние их сомнения рассеялись, и скорбь, которую причинила им смерть их товарища, была смягчена мыслью о том, что по крайней мере умирал он счастливый.

Наполеон самолично явился на собрание в следующее воскресенье и произнес короткое слово памяти Боксёра. Перевезти останки всеми оплакиваемого товарища на ферму для погребения, сказал он, оказалось невозможно, но он распорядился о том, чтобы большой лавровый венок с куста, росшего в фермерском саду, был возложен на могилу Боксёра. А через несколько дней свиньи собираются устроить торжественные поминки по Боксёре. Наполеон закончил свою речь напоминанием двух любимых изречений Боксёра: «Я буду трудиться еще пуще» и «Наполеон всегда прав» — каждому животному, прибавил он, не мешало бы взять эти изречения себе за правило.

В день, назначенный для поминок, из Виллингдона прикатил фургон бакалейщика, доставивший в фермерский дом большой деревянный ящик. В ту ночь слышалось буйное пение, за которым последовал шум яростной ссоры, и все это завершилось часов в одиннадцать оглушительным треском разбиваемого стекла. На следующий день в фермерском доме до полудня царила тишина, и прошла молва, что свиньям где-то удалось раздобыть денег на покупку еще одного ящика виски.

ГЛАВА X

Проходили годы. Одна пора сменялась другой, протекали короткие жизни животных. Наступило время, когда не оставалось уже никого, кто бы помнил о старых временах до Восстания, кроме Кашки, Вениамина и нескольких свиней.

Манька умерла. Умерли Белка, Милка и Щипун. Джонса тоже уже не было в живых — он скончался в приюте для алкоголиков в другой части графства. Снежок был забыт. Забыт был и Боксёр — всеми, кроме тех немногих, кто знал его. Кашка превратилась в толстую старую кобылу; суставы ее начали костенеть, глаза имели наклонность слезиться. Она была на два года старше предельного возраста, но никто из животных так и не вышел в отставку. О том, чтобы отвести уголок пастбища для нетрудоспособных животных, давно уже перестали говорить. Наполеон был теперь зрелым хряком и весил пудов девять. Фискал был так жирен, что с трудом видел. Только старый Вениамин почти не изменился, лишь морда у него немного поседела, и после смерти Боксёра он стал еще угрюмее и молчаливее, чем когда-либо.

На ферме было теперь гораздо больше животных, для которых Восстание было лишь смутным преданием, передававшимся изустно, тогда как другие, которых купили, никогда даже не слышали о нем. Не считая Кашки, было теперь на ферме три лошади. Все это были красивые, стройные животные, прилежные работники и хорошие товарищи, но очень глупые. Ни одно из них не могло выучить

алфавита дальше буквы Б. Они принимали все, что им рассказывали о Восстании и о принципах скотизма, особенно от Кашки, к которой питали почти сыновнее уважение, но сомнительно было, чтобы они многое из этого понимали.

Ферма была теперь зажиточней и лучше организована; к ней прибавилось даже два поля, купленных у г-на Пилкингтона. Мельницу, наконец, благополучно достроили, и у фермы была своя молотилка и свой элеватор для сена; были также выстроены разные новые службы. Уимпер купил себе шарабан.

Мельницу, впрочем, в конце концов, не использовали для электрической энергии — ее употребляли для размола зерна, и она приносила хорошую прибыль. Животные трудились над постройкой второй мельницы: поговаривали, что, когда ее закончат, будут устанавливать динамо. Но о чудесах роскоши, о которых Снежок приучил животных мечтать — о стойлах с электрическим освещением и горячей и холодной водой, о трехдневной неделе — больше и помину не было. Наполеон объявил подобные идеи противоречащими духу скотизма. «Истинное счастье, — говорил он, — заключается в тяжелом труде и умеренной жизни».

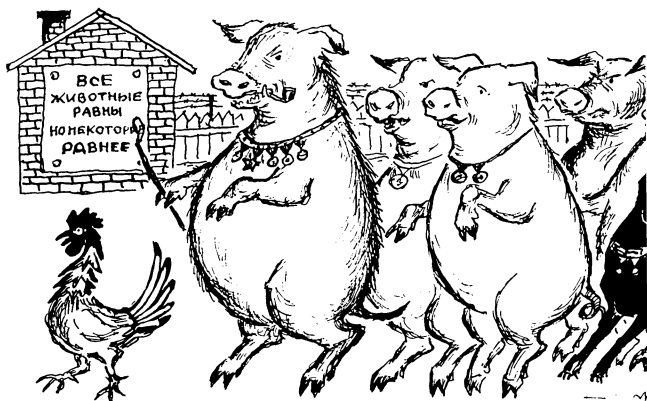
Казалось, будто ферма разбогатела без того, чтобы разбогатели сами животные — не считая, разумеется, свиней и собак. Отчасти причиной этому, может быть, было то, что свиней и собак было так много. Не то, чтобы эти животные не работали на свой лад: надзор за фермой и организация ее требовали неусыпной работы, как не уставал подчеркивать Фискал. Значительная часть этой работы была такова, что другие животные по своему невежеству не разбирались в ней. Например, Фискал

говорил им, что свиньям приходится ежедневно тратить много труда на таинственные вещи, именуемые «досье», «доклады», «протоколы» и «меморандумы». Это были огромные листы бумаги, которые надо было тесно исписать, а как только они были исписаны, их сжигали в печке. Это, говорил Фискал, имеет колоссальное значение для благосостояния фермы. Как бы то ни было, ни свиньи, ни собаки не производили ничего собственным трудом, а было их много, и аппетиты у них были всегда большие.

Что же до остальных, то, поскольку они могли судить, жизнь их была такая же, как и всегда. Они обыкновенно были голодны, спали на соломе, пили из пруда, работали в поле; зимой их донимал холод, а летом мухи. Иногда те из них, что были постарше, роясь в своей потускневшей памяти, пробовали выяснить, были ли условия жизни лучше или хуже в первые дни Восстания, вскоре после изгнания Джонса. И не могли припомнить: у них не было никакого мерил для сравнения с их теперешней жизнью; они могли полагаться только на приводимые Фискалом ряды цифр, которые всегда доказывали, что все улучшается и улучшается. Проблема представлялась животным неразрешимой: во всяком случае у них теперь было мало времени для раздумий над такими предметами. Только старый Вениамин уверял, что он помнит во всех подробностях свою долгую жизнь и знает, что условия никогда не были и не могли быть ни много лучше ни много хуже, ибо голод, лишения и разочарования составляют неизменный закон жизни.

И все-таки животные не теряли надежды. Больше того: ни на минуту их не покидало сознание, что принадлежность к Скотскому Хутору является честью и привилегией. Они все еще были единст-

венной фермой во всем графстве — даже во всей Англии! — которая принадлежала животным и управлялась ими. Никто из них, даже самые младшие, даже пришельцы с других ферм, за десять или двадцать миль оттуда, никогда не переставали дивиться этому. И когда они слышали пальбу из ружья и видели развевающийся на мачте зеленый флаг, сердца их ширились от неистребимой гордости, и они заводили речь о древних героических временах, об изгнании Джонса, о составлении Семи Заповедей, о великих сражениях, в которых были разбиты человеческие захватчики. Они не отказались ни от одного из своих чаяний. Они все еще верили в предсказанную Майором Республику Животных, когда по зеленым полям Англии не будет ступать людская нога. Придет день — и она возникнет; может быть, это будет еще не скоро, может быть и не на их веку, но все же будет. Там и сям даже еще напевался тайком мотив «Скота английского»; во всяком случае несомненно, что все животные на ферме знали его, хотя ни одно не

решилось бы петь его вслух. Пусть жизнь их была тяжела и не все их надежды исполнились, но они сознавали, что они не такие, как другие животные. Если они голодали, то не оттого, что кормили людей-тиранов; если они трудились сверх сил, то по крайней мере трудились для себя. Никто из них не ходил на двух ногах. Ни один не называл другого «господин». Все животные были равны.

Однажды в начале лета Фискал приказал овцам следовать за ним. Он отвел их на пустырь на другом конце фермы, поросший молодыми березками. Овцы провели там весь день, пожевывая листья под надзором Фискала. Вечером он один вернулся на ферму, велел овцам оставаться, так как погода была теплая. Кончилось тем, что они пробыли там всю неделю, и за это время другие животные не видали их. Фискал проводил с ними большую часть дня. По его словам, он учил их петь новую песню, для чего необходимо было уединение.

Как раз после того, как овцы вернулись, в один

приятный вечер, когда животные закончили работу и брели назад к службам, со двора послышалось испуганное ржание лошади. Пораженные, животные остановились как вкопанные. Это был голос Кашки. Она снова заржала, и животные пустились в галоп и примчались на двор. Тут они увидели то, что видела Кашка. Это была свинья, ходившая на задних ногах.

Да, это был Фискал. Немного неуклюже, как будто не совсем еще привыкнув поддерживать свою громоздкую тушу в таком положении, но великолепно соблюдая равновесие, он прогуливался по двору. А мгновение спустя из дверей дома показалась длинная вереница свиней — все на задних ногах. У одних это выходило лучше, чем у других, две-три даже чуть-чуть пошатывались, и у них был такой вид, точно они нуждались в поддержке палки, но все благополучно обошли двор. Затем раздалось оглушительное лаянье псов и пронзительное кукареканье черного петушка, и появился сам Наполеон: величественно выпрямившись, он бросал по сторонам высокомерные взгляды, а его псы скакали вокруг него.

В ножке он нес хлыст.

Воцарилась мертвая тишина. Изумленные, перепуганные, сбившись в кучку, животные наблюдали за тем, как длинная вереница свиней обходила двор. Как будто весь мир перевернулся вверх дном. Потом наступил момент, когда первое потрясение улеглось и когда — наперекор страху перед собаками и развившейся в течение долгих лет привычке никогда не жаловаться и никогда не критиковать — они способны были запротестовать. Но как раз в этот момент, как бы по сигналу, все овцы оглушительно заблеяли:

«Четыре ноги — хорошо, две ноги — лучше! Че-

тыре ноги — хорошо, две ноги — лучше! Четыре ноги — хорошо, две ноги — лучше!».

Это продолжалось пять минут без перерыва. А к тому времени, как овцы замолкли, возможность протестовать была упущена, ибо свиньи уже промаршировали назад в дом.

Вениамин почувствовал, что кто-то тычется ему мордой в плечо. Он оглянулся. Это была Кашка. Старые глаза ее казались еще более тусклыми. Не говоря ни слова, она тихонько потянула его за гриву и повела его кругом к большому сараю, где были начертаны Семь Заповедей. Минуту или две они стояли, глаза на осмоленную стену и белые буквы.

— Зрение изменяет мне, — сказала Кашка, наконец. — Даже в молодости я не могла прочесть того, что там написано. Но мне кажется, что стена имеет иной вид. Скажи, Вениамин, Семь Заповедей те же, что всегда?

На этот раз Вениамин согласился нарушить свое правило и прочел вслух то, что было написано на стене. Там была теперь всего одна заповедь. Она гласила:

**«ВСЕ ЖИВОТНЫЕ РАВНЫ, НО
НЕКОТОРЫЕ ЖИВОТНЫЕ
РАВНЕЕ ДРУГИХ»**

После этого не было уже ничего странного в том, что на следующий день свиньи, надзиравшие за работой на ферме, все держали в ножках хлысты. Не показалось странным и то, что свиньи купили себе радио, собирались провести телефон и подписались на еженедельники «Джон Булл» и «Болтовня» и на газету «Зеркало дня». Не показалось странным и то, что Наполеон стал прогуливаться в саду при ферме с трубкой в зубах, ни даже то, что

свиньи вытащили из шкафов и напялили на себя одежду фермера Джонса, причем сам Наполеон предстал в черном пиджаке, рейтузах и кожаных крагах, а его любимая самка появилась в муаровом платье, которое г-жа Джонс носила по воскресеньям.

Неделю спустя, после обеда к ферме подкатило несколько шарабанов. Депутация фермеров была приглашена для осмотра Скотского Хутора. Им показали всю ферму, и они выразили восхищение всем виденным, особенно мельницей. Животные в это время пололи в реповом поле. Они работали прилежно, почти не подымая головы от земли и не зная, кого больше бояться — свиней или людей.

В этот вечер из фермерского дома донесся громкий смех и пение. И внезапно, при звуке смешанных голосов, животными овладело любопытство: что происходит там при первой встрече между животными и людьми на равной ноге? Точно сговорившись, они стали потихоньку прокрадываться в сад.

У калитки они приостановились, как будто боясь двинуться дальше. Но Кашка пошла вперед. На цыпочках подошли они к дому, и те из них, кому позволял рост, заглянули в окно столовой. Там вокруг длинного стола восседало с полдюжины фермеров и с полдюжины наиболее видных свиней. Сам Наполеон занимал почетное место во главе стола. Свиньи сидели, развалившись на стульях, как ни в чем не бывало. Вся компания только что играла в карты, но в этот момент прервала игру, очевидно для того, чтобы выпить тост. От одного к другому переходил большой кувшин, и кружки наполнялись пивом. Никто не заметил удивленных лиц животных, глазевших в окно.

Г-н Пилкингтон из Лисьего Заказа встал с круж-

кой в руке. Сейчас, — сказал он, — он попросит присутствующих выпить тост. Но прежде, чем это сделать, считает своим долгом сказать несколько слов.

Для него, — сказал он, — да, он уверен, и для всех других присутствующих, является источником большого удовлетворения сознавать, что долгий период недоверия и недоразумений пришел к концу. Было время — не то, чтобы он или кто-либо из присутствующих разделял подобные чувства, но было время, когда на уважаемых владельцев Скотского Хутора их соседи-люди смотрели, он бы не сказал с враждебностью, но пожалуй с некоторой долей тревоги. Происходили злосчастные инциденты, распространялись ошибочные идеи. Было представление, что самое существование принадлежащей свиньям и управляемой ими фермы как-то ненормально и может внести смуту во всю округу. Очень многие фермеры решили, не справившись как следует, что на такой ферме возобладаст дух распущенности. Они боялись влияния на их собственных животных и даже на их людских служащих. Но все эти сомнения теперь рассеяны. Сегодня он и его приятели посетили Скотский Хутор и собственными глазами осмотрели каждый вершок его, и что же они нашли? Не только самоновейшие методы, но и дисциплину и порядок, которые должны служить примером фермерам повсюду. Он считает, что не ошибется, сказав, что низшие животные на Скотском Хуторе работают больше и получают меньше пищи, чем какие-либо животные во всем графстве. Больше того — он и другие посетители заметили сегодня многое, что они собираются немедленно же ввести у себя на фермах.

Он закончит свое выступление, — заявил он, — тем, что еще раз подчеркнет дружественные отно-

шения, которые существуют и должны существовать между Скотским Хутором и его соседями. Между свиньями и людьми нет и не должно быть никакого столкновения интересов. Их устремления и их проблемы одни и те же. Разве проблема рабочих рук не та же повсюду? Тут стало очевидно, что Пилкингтон готовится преподнести собравшимся старательно обдуманную остроту, но минуту или две он не мог выговорить ее — так она смешила его самого. Наконец, поперхнувшись несколько раз, отчего его многочисленные подбородки побагровели, он выдавил ее из себя: «Если вам приходится иметь дело с низшими животными, — сказал он, — то у нас есть свои низшие классы!». — Это красное словцо заставило весь стол расхохотаться; а г-н Пилкингтон еще раз поздравил свиней с низкими пайками, длинным рабочим днем и вообще отсутствием баловства, замеченным им на Скотском Хуторе.

А теперь, — сказал он, наконец, — он попросит собравшихся встать и наполнить кружки.

«Господа! — закончил г-н Пилкингтон, — господа, провозглашаю тост: За процветание Скотского Хутора!».

Раздались восторженные аплодисменты и топание ног. Наполеон был так доволен, что встал со своего места и обошел кругом стола, чтобы чокнуться с г-ном Пилкингтоном. Когда рукоплескания стихли, Наполеон, который остался стоять, дал понять, что он тоже имеет сказать несколько слов.

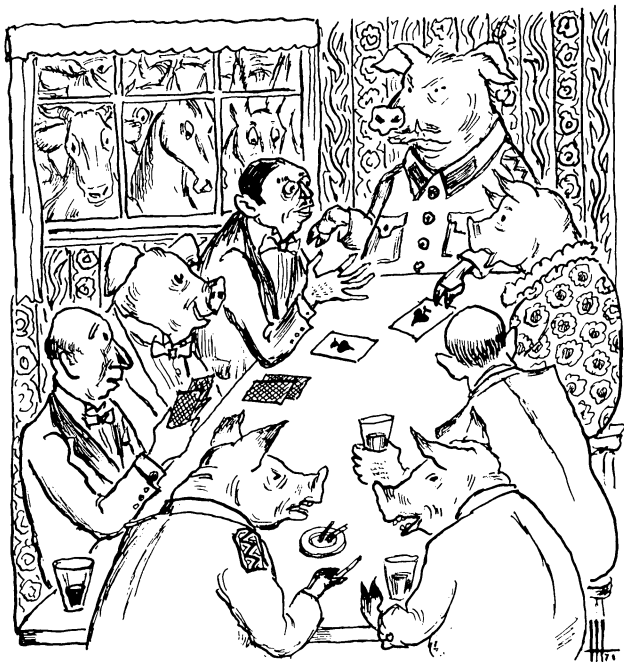
Как все речи Наполеона, и эта была краткая и к делу. Он тоже счастлив, сказал он, что период недоразумений кончился. Долгое время ходили слухи — распространяемые, как у него есть основания думать, злобным врагом — о том, что мировоззрение его и его коллег содержит в себе что-то разрушительное и даже революционное. Им при-

писывали попытки поднять восстание среди животных на соседних фермах. Ничто не могло быть дальше от истины! Их единственное желание — и теперь, и в прошлом — жить в мире и поддерживать нормальные деловые отношения с соседями. Ферма, которой он имеет честь управлять, прибавил он, является кооперативным предприятием. Находящаяся в его обладании купчая является общей собственностью всех свиней.

Он не думает, — сказал он, — чтобы от старых подозрений что-либо еще оставалось, но в последнее время в заведенном на ферме порядке произведены кой-какие перемены, которые должны способствовать еще большему доверию. До сих пор животные на ферме имели глупую привычку называть друг друга «товарищ». Этому будет положен конец. Существовал еще один очень странный обычай, происхождение которого неизвестно: дефилировать утром по воскресеньям мимо пригвожденного к столбу в саду черепа одного борова. Это тоже будет отменено, и череп будет зарыт в землю. Его гости должны были видеть развевающийся на мачте зеленый флаг. В таком случае они, вероятно, заметили, что белого копыта и рога, которые раньше были на флаге, больше нет. Отныне это будет простой зеленый флаг.

По поводу превосходной и добрососедской речи г-на Пилкингтона у него есть только одно замечание. Г-н Пилкингтон все время говорил о «Скотском Хуторе». Он не мог, конечно, знать — ибо он, Наполеон, сейчас впервые об этом объявляет — что название «Скотский Хутор» упразднено. Отныне ферма будет называться «Барский Хутор» — так, ково, если он не ошибается, было ее настоящее первоначальное название.

— Господа! — закончил Наполеон, — предлагаю вам тот же самый тост, но в иной форме. Наполните ваши кружки до краев. Вот мой тост, господа: За процветание Барского Хутора!

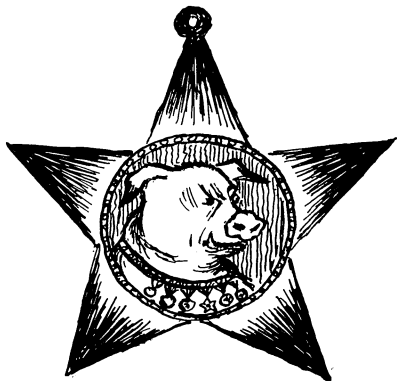
Снова раздались дружные аплодисменты, и кружки были опорожнены до дна. Но животным, смотревшим на эту сцену снаружи, казалось, что происходит что-то диковинное. Что изменилось в физиономиях свиней? Старые потускневшие глаза Кашки перебегали с одного лица на другое. У некоторых

было по пяти подбородков, у других по четыре, еще у других по три. Но что-то как будто расплывалось и менялось в них? Затем, когда аплодисменты затихли, все собравшиеся взялись за карты и продолжали прерванную игру, а животные молча побрели прочь.

Но, не отойдя и тридцати шагов, они остановились. Из фермерского дома доносился гвалт. Они бросились назад и снова заглянули в окно. Да, там происходила яростная ссора: все кричали, стучали по столу, обменивались подозрительными взглядами, горячо спорили. Дело было, по-видимому, в том, что Наполеон и г-н Пилкингтон одновременно пошли с туза пик.

Слышался злобный крик двенадцати голосов, и все они были одинаковые. Теперь не было больше сомнения в том, что именно произошло с физиономиями свиней. Животные перед окном переводили взгляд со свиньи на человека, с человека на свинью, со свиньи обратно на человека, но уже невозможно было разобрать кто — кто.

Ноябрь 1943 — февраль 1944 г.

Приложение

ПИСЬМО ДЖОРДЖА ОРВЕЛЛА К Г. П. СТРУВЕ

17 февраля 1944

Дорогой г-н Струве,

пожалуйста, простите меня, что я не написал Вам раньше, чтобы поблагодарить Вас за очень любезный подарок «25 лет русской советской литературы» и за еще более любезную надпись на книге. Боюсь, что я знаю очень мало о русской литературе, и надеюсь, что Ваша книга восполнит некоторые из многочисленных пробелов в моем знании. Она уже возбуждала во мне интерес к роману Замятина «Мы», о котором я прежде не слыхал. Меня интересуют такого рода книги, и я даже сам делаю заметки для одной, которая, может быть, будет рано или поздно написана. Не могли ли бы Вы сказать мне, существуют ли более или менее хорошие переводы Блока? Лет десять тому назад я видел какие-то переведенные отрывки в журнале Life and Letters, но я не знаю, был ли перевод сколько-нибудь хорош.

Я пишу небольшую сатирическую штучку, которая может позабавить Вас когда она выйдет, но она настолько неблагонадежна политически, что я не уверен наперед, что кто-либо напечатает ее. Может быть, это даст Вам некоторый намек на ее сюжет.

Искренне Ваш

Дж. Орвелл

ПРИМЕЧАНИЯ Г. П. СТРУВЕ

Печатаемое выше письмо — одно из нескольких, полученных мною от Джорджа Орвелла. Подлинники всех писем были преподнесены мною в дар архиву Орвелла, учрежденному при University College в Лондоне. Два из этих писем (это и одно более позднее, в котором речь шла о попытках Орвелла найти английского издателя для «Мы» Замятина и о его собственной «анти-утопии», «1984»), напечатаны в 4-томном собрании критических и других статей и писем Орвелла, вышедшем в 1968 г. Настоящее письмо написано вскоре после того, как между Орвеллом и мною состоялось личное знакомство.

«25 лет русской советской литературы» — второе издание (1944) моей книги, которая вышла впервые в 1935 г. В нем к тексту первого издания были добавлены новые главы. В 1951 г. в США вышло новое, пересмотренное и значительно расширенное, издание. Давно распроданное, оно весной 1971 г. было заменено вновь пересмотренной версией под измененным заглавием: «Русская литература при Ленине и Сталине». Продолжением ее будетготавливаемый мною том о советской литературе после смерти Сталина.

Роман, о котором Орвелл пишет здесь, что он делает для него заметки, это — «1984». Это едва ли не первое упоминание о нем (еще до выхода «Скотского хутора»). О том, что он начал писать роман, Орвелл впервые упомянул в одном письме от 3 июля 1945 г.

«Сатирическая штучка» — «Скотский хутор». То, что Орвелл говорит о ее «неблагонадежности» и о

своих сомнениях в том, что он найдет для нее издателя, свидетельствует о том, как сильны были тогда в Англии про-советские настроения. Среди прогрессивной интеллигенции Орвелл был «белой вороной». «Скотский хутор» был отвергнут известным издателем левого направления Виктором Голланцом, с которым у Орвелла был договор на два его следующих романа и которому он поэтому в первую очередь предложил свою новую вещь.

Г. С.